ОЧЕРКЪ

КРЕСТЬЯНСКАГО ХОЗЯЙСТВА

ВЪ СИБИРИ.

А. А. Кауфманъ.

40777

ИЗДАНІЕ
КНИЖНАГО МАГАЗИНА П. И. МАКУШИНА.

331.74:[illegible]
К-368
3
Ф 504

ТОМСКЪ.
Типо-Лит. П. И. Макушина, Магистратская, № 4.
1894.

3к

„МИХАЙЛОВЪ и МАКУШИНЪ“

Книжные магазины въ Томскѣ и Иркутскѣ.

Изданія магазина и находящіеся на складѣ:

А. Злобинъ. Нѣмые диктанты (безъ дикгующаго) Полный и систематическій курсъ по русскому правописанію съ приложеніемъ нѣмой хрестоматіи. Часть I звуки и буквы). Часть II (части рѣчи). 3-е исправленное изданіе Курсъ гимназическій Томскъ. 94 г по 60 к

—— Таблицы полнаго грамматическаго разбора. въ объемѣ средне-учебныхъ заведеній Изданіе 6-е. Таблицы I к., 6 к., II—8 к., III—10 к

Адріановъ Городъ Томскъ въ прошломъ и настоящемъ Томскъ 90 г. 1 р

Содержаніе—Исторія возникновенія Томска—Географическое положеніе Климатическія условія Томска—Учебныя заведенія—Благотворительныя общества и учрежденія—Мѣстная печать—Торговля и промышленность—Разныя справочныя свѣдѣнія—Адресъ-календарь Томска—Библіографія Томска—Планъ г Томска и другія приложенія

Голубевъ П. Алтай Историко-статистическій сборникъ по вопросамъ экономическаго и гражданскаго развитія Алтайскаго горнаго округа Съ портретомъ алтайскаго изслѣдователя С. И Гуляева Томскъ 90 г. 2 р 50 к.

Содержаніе Краткая лѣтопись Алтая—Земледѣліе—Земледѣліе—Скотоводство и пчеловодство—Прочія занятія побывающем промышленности—Кустарные промыслы—Частная крупная промышленность Соляной промыселъ—Торговля—Платежи и повинности.—Недоимки—Народный кредитъ—Народные преступленія—Пожары и обязательное страхованіе—Санитарно-медиц часть—Минеральныя воды и кумысо-лечебныя мѣста—Народное образованіе—Городское хозяйство на Алтаѣ—Колонизація и переселенческое дѣло—Горное дѣло и хозяйство Кабинета—С И Гуляевъ Библіографія

Грамматикати Основы къ изученію акушерства и женскихъ болѣзней. Томскъ 93 г. 2 р.

Елпатьевскій. Очерки Сибири М 93 г. 1 руб

Кауфманъ Очеркъ крестьянскаго хозяйства въ Сибири Томскъ. 94 г. 75 к

Кащенко Краткое руководство по зоологіи преимущественно для студентовъ медицины. Томскъ. 92 г 3 р. 50 к

Межовъ Сибирская библіографія. Указатель книгъ и статей о Сибири на русскомъ языкѣ и книгъ на иностранномъ языкѣ. Спб 91—92 г.

Т I Источники и матеріалы для исторіи Сибири 3 р Т II Біографія—Географія—Путешествія—Статистика—Этнографія 3 р Т III Педагогика—Правовѣдѣніе и государственныя науки—Политическія и соціальныя науки—Сельское хозяйство и земледѣліе—Технологія—Астрономія—Геодезія и механика—Естественныя науки—Медицина—Языкознаніе, словесность—Искусство—Дополненія 1 р 75 к Азбучные указатели именъ авторовъ и предметовъ на русскомъ и иностр языкахъ 1 р 25 к

Михеевъ По хорошей веревочкѣ. Народная комедія изъ сибирской жизни. М 89. 20 к

—— Пѣсни о Сибири М. 84 г 1 р 25 к.

Наумовъ Н. И. Разсказы изъ быта сибирскихъ крестьянъ: Въ забытомъ краю. Спб. 82 г. 1 р. 50 к.

Отголоски Сибири. Сборникъ стихотвореній разныхъ авторовъ. Томскъ 89 г 50 к, въ изящн коленк. перепл. 80 к.

Павловъ 3000 верстъ по рѣкамъ Западной Сибири. Очерки и замѣтки изъ скитаній по берегамъ Туры, Тобола, Иртыша и Оби. Съ картою Т. 78 г 1 р.

Сибирскій дорожникъ. Тракты всей Сибири. Изд. 5-е. Томскъ. 94 г. 10 к.

Словцовъ Историческое обозрѣніе Сибири. Спб. 86 г. 3 р.

Станюковичъ Не столь отдаленныя мѣста Ром. изъ сибирской жизни. Спб 89 г. 1 р. 50 к.

ОЧЕРКЪ

КРЕСТЬЯНСКАГО ХОЗЯЙСТВА

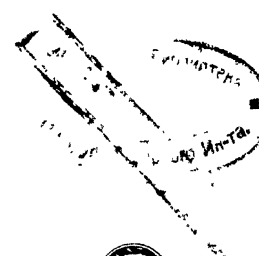
ВЪ СИБИРИ.

А. А. Кауфманъ.

40777

ИЗДАНІЕ
КНИЖНАГО МАГАЗИНА П. И МАКУШИНА

Проверено 38 г.



40777
3

ТОМСКЪ.
Типо-Лит. П. И. Макушина, Магистратская, № 4.
1894.

Проф. 45

Проф.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 27-го іюня 1893 года.

Настоящій очеркъ представляетъ собой съ небольшими лишь дополненіями, перепечатку главы «о крестьянскомъ хозяйствѣ», написанной авторомъ для книги: «О Сибири и великой Сибирской желѣзной дорогѣ», изготовленной Министерствомъ Финансовъ для всемірной выставки въ Чикаго. Такимъ назначеніемъ объясняются и нѣкоторые существенные пробѣлы, которые читатель усмотритъ въ этомъ очеркѣ: въ немъ ничего не говорится о такихъ важныхъ сторонахъ экономической жизни сибирскаго крестьянства, какъ переселеніе, ссылка, пріисковыя работы, податное обложеніе и нѣкоторыя другія; не говорится частью потому, что эти вопросы разсматриваются въ другихъ отдѣлахъ упомянутой выше сводной работы, частью—въ виду крайней ограниченности предоставленнаго въ распоряженіе автора мѣста.

Если, несмотря на это, авторъ рѣшается выпустить предлагаемый очеркъ отдѣльною брошюрой, то онъ руководится при этомъ тѣмъ соображеніемъ, что при почти полномъ отсутствіи доступной для публики болѣе широкой литературы по вопросу о крестьянскомъ хозяйствѣ въ Сибири, и этотъ очеркъ, при всей его неполнотѣ и краткости, можетъ, хотя бы въ нѣкоторой степени, способствовать разсѣянію тѣхъ предразсудковъ и общихъ мѣстъ, которыми даже въ образованной части нашего общества замѣняется по отношенію къ Сибири точное знаніе.

Главнѣйшими источниками при составленіи настоящаго очерка послужили: 19 выпусковъ «Матеріаловъ для изученія быта государственныхъ крестьянъ въ Западной Сибири» и «Матеріалы по изслѣдованію крестьянскаго хозяйства Иркутской губерніи», работа С. И. Коржинскаго «Объ Амурѣ какъ земледѣльческой колоніи» и нѣкоторыхъ другихъ; по окраинамъ Сибири (кромѣ Амура) матеріалъ оказался далеко недостаточнымъ, благодаря чему по отношенію къ этимъ окраинамъ пришлось ограничиться немногими общими замѣчаніями. Съ другой стороны, весь имѣющійся матеріалъ, давая возможность представить довольно полную описательную характеристику крестьянскаго хозяйства всей наиболѣе населенной полосы Сибири, не даетъ, однако, сколько нибудь полныхъ и достовѣрныхъ валовыхъ цифръ (размѣровъ запашекъ и количества производимаго хлѣба, численности скота, размѣровъ промысловъ и т. п.), почему авторъ и предпочелъ воздержаться отъ включенія въ свое изложеніе подобнаго рода цифръ.

Въ заключеніе авторъ считаетъ долгомъ выразить свою искреннюю признательность высокоуважаемому П. П. Семенову, совѣты котораго много помогли ему при составленіи плана настоящаго очерка и при окончательной его редакціи, а указанія относительно окраинъ Сибири значительно пополнили пробѣлы въ собственныхъ свѣдѣніяхъ автора.

Апрѣль. 1893 г.

Вся земля въ Сибири, какъ совершенно пустопорожняя, такъ и заселенная крестьянами русскаго происхожденія, или занятая аборигенами края—инородцами разныхъ племенъ и категорій, считается казенною, составляетъ собственность государства. Единственное болѣе крупное исключеніе изъ этого общаго правила составляютъ земли Кабинета Его Величества, охватывающія южную, лучшую половину Томской губерніи, извѣстную подъ именемъ Алтайскаго горнаго округа, а затѣмъ нѣкоторые менѣе значительные участки. Другими исключеніями являются небольшія дачи, пожалованныя и проданныя въ 50-хъ и 60-хъ годахъ въ собственность различнымъ частнымъ лицамъ, земли монастырей, городскихъ обществъ и т. п. Но всѣ эти разнообразные виды землевладѣнія и по сравнительно ничтожному пространству, и по своему экономическому значенію совершенно исчезаютъ въ огромной массѣ казенныхъ земель. На пожалованіе и продажу земельныхъ участковъ частнымъ лицамъ въ 50-хъ годахъ возлагались, правда, большія надежды: думали, что изъ этихъ участковъ разовьются помѣщичьи имѣнія, которыя будутъ передовыми піонерами прогресса сельско-хозяйственной культуры. Но ожиданія эти не оправдались: частные владѣльцы, за единичными исключеніями, нигдѣ не завели правильнаго хозяйства, а

частью эксплуатируютъ свои имѣнья путемъ сдачи земли въ аренду крестьянамъ, частью совершенно забросили ихъ и не извлекаютъ изъ нихъ никакого дохода.

Изъ земель какъ казеннаго, такъ и кабинетскаго вѣдомства очень значительная по протяженію часть, —почти исключительно лѣса и пространства, непригодныя для земледѣльческой культуры,—состоитъ въ непосредственномъ вѣдѣніи и распоряженіи казны и кабинета, которые извлекаютъ изъ нихъ доходъ путемъ продажи на срубъ лѣса, а также—сдачи въ аренду покосовъ, пастбищъ, рыболовныхъ статей и т. п.; другая часть, огромная по пространству, но совершенно ничтожная по количеству живущаго на ней населенія и способности къ культурѣ,—именно весь крайній сѣверъ Сибири—представляетъ собою огромныя лѣсныя пространства—урманы, тайги и тундры и вообще дикія мѣста, частію совершенно пустопорожнія, частію состоящія въ безпорядочномъ пользованіи малочисленныхъ племенъ бродячихъ инородцевъ; наконецъ, всѣ лучшія земли, наиболѣе пригодныя для земледѣлія и скотоводства, состоятъ въ пользованіи крестьянъ и болѣе культурныхъ племенъ инородцевъ. Изъ нихъ послѣдніе пользуются землею, главнымъ образомъ, на основаніи простой давности фактическаго владѣнія или на основаніи старинныхъ документовъ, имѣющихся у довольно многихъ инородческихъ общинъ; что касается до крестьянъ, то основанія ихъ землепользованія представляются весьма разнообразными: дѣятельность правительства по упорядоченію крестьянскаго землепользованія, продолжающаяся уже нѣсколько десятилѣтій, до сихъ поръ далеко не закон-

чена, и потому есть еще не мало крестьянскихъ общинъ и даже цѣлыхъ волостей, фактическое землепользованіе которыхъ не очерчено никакими опредѣленными границами: крестьяне живутъ среди казенныхъ земель и пользуются послѣдними въ такомъ размѣрѣ, какой допускается ихъ рабочею силою и размѣрами капитала; они пашутъ, косятъ, рубятъ лѣсъ, ловятъ рыбу вездѣ, куда только «топоръ, коса и соха ходятъ». Но большая часть крестьянскаго населенія пользуется землею уже въ опредѣленныхъ, хотя и не имѣющихъ окончательнаго юридическаго значенія границахъ: въ Сибири еще не было окончательнаго поземельнаго устройства, подобнаго тому, которое установило поземельныя отношенія въ Европейской Россіи, но большей части крестьянскаго населенія земля отведена въ количествѣ, соотвѣтствующемъ пропорціи 18 десятинъ на душу мужскаго пола по даннымъ X ревизіи (1859 года) съ прибавкой, гдѣ возможно, еще 3 десятинъ для ссыльно-поселенцевъ. При этомъ въ однихъ случаяхъ отводъ земли дѣлался на цѣлую волость съ населеніемъ отъ 4—5 до 12—15 тысячъ душъ, въ другихъ—отдѣльно на каждое селеніе, въ третьихъ на небольшія группы, по нѣскольку селеній въ каждой. Въ первомъ случаѣ территорія цѣлой волости обводилась одною общею межой, внутри которой крестьянамъ всѣхъ селеній предоставлялось, по усмотрѣнію пользоваться землей совмѣстно или разграничиться по обоюдному соглашенію на отдѣльныя для каждаго селенія дачи; во второмъ случаѣ, такія дачи для селеній нарѣзывались правительственными землемѣрами: волость, слѣдовательно, совершенно утрачивала поземельное единство и сохраняла только адми-

нистративное значеніе; наконецъ, въ третьемъ случаѣ и волость, и селеніе оставались только административными единицами, а поземельною единицею становилась группа селеній.

Пользованіе землей внутри каждой отдѣльной, болѣе или менѣе крупной поземельной единицы также организовалось весьма разнообразными способами.

Правда, русскій крестьянинъ всегда и всюду,—по крайней мѣрѣ, въ изслѣдованныхъ частяхъ Сибири—приносилъ съ собою общинный принципъ и даже прививалъ его инородцамъ, но этотъ единый принципъ облекался въ самыя разнообразныя формы. Это и понятно: формы землевладѣнія, если не вполнѣ, то въ значительной мѣрѣ являются функціей плотности населенія и относительнаго изобилія земли, а въ этомъ отношеніи Сибирь представляетъ, какъ извѣстно, чрезвычайное разнообразіе: наряду съ мѣстностями, гдѣ земли до сихъ поръ еще гораздо больше, нежели можетъ обработать населеніе, есть, особенно въ Западной Сибири и въ частности въ Тобольской губерніи, не мало и такихъ мѣстностей, гдѣ дѣйствительно удобной для культуры земли приходится не больше 6—8 десятинъ на наличную мужскую душу; а есть и такія мѣстности, гдѣ культурную землю приходится создавать путемъ искусственнаго орошенія или, наоборотъ, путемъ удаленія избыточной влаги. Въ то время, далѣе, какъ однѣ мѣстности, богатыя пахатною землею, страдаютъ отъ недостатка сѣнокосовъ или отъ безлѣсья, другія, наоборотъ, представляютъ собою сплошную лѣсную глушь или очень богаты сѣнокосами и пастбищами, но мало удобны для земледѣльческой культуры. Ясно, что всѣ эти и подобныя раз-

личія не могли не отразиться на формахъ землепользованія; эти формы представляютъ собою въ Сибири непрерывный рядъ, позволяющій прослѣдить, какъ происходило, подъ вліяніемъ сгущенія населенія, постепенное развитіе порядковъ землепользованія; понятенъ, при такихъ обстоятельствахъ, высокій интересъ изученія сибирскихъ земельныхъ порядковъ,—этого живаго осколка исторіи первоначальныхъ формъ землепользованія. Здѣсь, конечно, нѣтъ возможности коснуться этихъ порядковъ иначе, какъ въ самыхъ общихъ чертахъ охарактеризовать важнѣйшіе типы землепользованія, соотвѣтствующіе главнымъ ступенямъ, черезъ которыя проходитъ постепенное заселеніе края *).

Въ мѣстностяхъ, сравнительно недавно и очень рѣдко заселенныхъ,—главнымъ образомъ въ Восточной Сибири и на Амурѣ—господствуетъ такая форма землепользованія, которая по внѣшности представляетъ много сходства съ подворнымъ, личнымъ землевладѣніемъ (еще болѣе съ германскою **Markverfassung**); община здѣсь еще не успѣла сформироваться или, если и существуетъ, не имѣетъ надобности проявлять своей власти: земли такъ много, что каждый желающій можетъ распахать, выкосить, занять подъ огородъ или загородить подъ выгонъ любое пространство, никого этимъ не стѣсняя, и вотъ образуются, такъ называемыя, *заимки*, иначе—хутора: каждый крестьянинъ, хотя бы и имѣющій домъ въ деревнѣ, строитъ себѣ на полѣ или въ лѣсу постройки, въ кото-

*) Для лицъ, интересующихся вопросомъ о формахъ землевладѣнія въ Сибири, мы позволимъ себѣ указать на наши статьи по этому вопросу въ «Русской Мысли» 1890 г, Ноябрь, и въ «Вѣсти Европы» 1893 г, Іюнь

рыхъ живетъ лѣто, а иногда и весь годъ, и вся земля, окружающая эти постройки, становится его заимкою; его исключительною принадлежностью*), гдѣ онъ одинъ пашетъ, коситъ и пасетъ скотъ. Права хозяина на «заимку» почти не ограничены, почти совпадаютъ съ правами собственника: онъ владѣетъ въ предѣлахъ ея не только тою землей, которую онъ дѣйствительно въ данное время обработываетъ, но и тою, которая лежитъ впустѣ, и этой земли никто, кромѣ заимочника, не можетъ эксплуатировать; заимочная земля переходитъ по наслѣдству, можетъ продаваться и сдаваться въ аренду (хотя это право ввиду изобилія свободныхъ земель, рѣдко находитъ случай осуществиться),—никто не стѣсняетъ заимочника въ относящихся до его земли дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ.

Размѣръ «заимки» зависитъ исключительно отъ степени благосостоянія каждаго даннаго хозяина: заимка богача обхватываетъ 500, 1000 и болѣе десятинъ, средній хозяинъ «занимаетъ» десятинъ 50—60, бѣднякъ - какія нибудь 5—10 десятинъ, но бѣднякъ не можетъ имѣть претензій на богача потому, что и ему, бѣдняку, никто не мѣшаетъ захватить хоть 1000 десятинъ изъ свободной земли.

Но вотъ насталъ моментъ, когда свободныхъ земель,—по крайней мѣрѣ доброкачественныхъ, больше не осталось: всякій удобный клочекъ земли вошелъ въ составъ той или другой «заимки», а между тѣмъ подрастающее и прибывающее со стороны населеніе требуетъ и себѣ земли. Тогда «заимочная» форма, основанная на избыткѣ земли, очевидно, те-

*) «Заимка» въ смыслѣ фактическаго землепользованія вполнѣ возможна, впрочемъ, и безъ построекъ.

ряетъ свой raison d'être, и постепенно водворяется новая, «*вольная*» форма пользованія. Сущность этой формы, наблюдаемой, главнымъ образомъ, въ Томской и Тобольской губерніяхъ, состоитъ въ томъ, что каждый имѣетъ право лишь на ту землю, *въ которую онъ влагаетъ свой трудъ, и лишь до тѣхъ поръ, пока онъ его влагаетъ:* крестьянинъ владѣетъ пашней, пока онъ ее пашетъ и засѣваетъ, но какъ только онъ ее оставилъ отдыхать, земля становится «вольною» и ее можетъ распахать вновь каждый желающій; на сѣнокосныхъ мѣстахъ трава, выросшая безъ помощи чьего либо труда,—«вольная»: каждый коситъ, гдѣ хочетъ, и только сѣно становится собственностью того, чьимъ трудомъ оно заготовлено; «воленъ» и доступенъ для всѣхъ и лѣсъ: и только тотъ можетъ завладѣть въ свое исключительное пользованіе участкомъ лѣса, кто окопалъ его канавой, очистилъ его отъ сучьевъ и вообще затрачиваетъ свой трудъ, чтобы оберечь его отъ пожара; «вольны», наконецъ, и пастбища: каждый можетъ пасти свой скотъ по всему пространству, предназначенному общиною для этой цѣли, но никто не можетъ загородить ни одного клочка пастбища въ свое исключительное пользованіе. Въ то время, такимъ образомъ, какъ «заимочная» форма пользованія основана, главнымъ образомъ, на началахъ захвата и давности, и лишь на второмъ мѣстѣ—на трудѣ, въ «вольной» формѣ на первый планъ выступаетъ трудовое начало, а начала захвата и давности теряютъ почти всякое значеніе.

«Заимочная» и «вольныя» формы пользованія до сихъ поръ господствуютъ въ большей части Сибири; но по мѣрѣ сгущенія населенія и исчезновенія избыт-

ка земли сравнительно съ трудовою нормою, и «вольная» форма начинаетъ дѣлаться столь же стѣснительною для прибывающаго населенія, какъ когда то оказалась «заимочная» форма, и тогда постепенно, цѣною тяжелой борьбы между различными входящими въ составъ общины группами крестьянства, совершается переходъ къ сопряженной съ передѣлами общинной формѣ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Переходъ этотъ начинается обыкновенно съ того вида угодій, въ которомъ въ каждой данной мѣстности чувствуется сравнительно наибольшій недостатокъ; напротивъ, «вольное» и «захватное» пользованіе дольше всего удерживается по отношенію къ тѣмъ угодьямъ, которыхъ въ данной общинѣ много, а также къ тѣмъ, обращеніе которыхъ подъ культуру требуетъ особенно большихъ затратъ труда: гдѣ мало пашенъ, а изобилуютъ луга, тамъ переходъ къ передѣлу начинается поэтому съ пашенъ. Иногда передѣлъ начинается съ лѣсовъ или кедровниковъ, но чаще всего недостатокъ въ угодьяхъ начинаетъ обнаруживаться съ покосовъ, которые поэтому во многихъ мѣстахъ передѣляются уже издавна, въ то время, когда по отношенію къ пашнямъ до сихъ поръ продолжаетъ господствовать вольное или захватное пользованіе. Самыя формы передѣла, встрѣчающіяся въ Сибири, весьма разнообразны: по отношенію къ сѣнокосамъ вездѣ, а, гдѣ сравнительно много пашенъ, тамъ и по отношенію къ этому виду угодій, господствуютъ способы передѣла, совершенно отличные отъ тѣхъ, которые выработаны общиною Европейской Россіи. Главная отличительная особенность сибирскихъ передѣловъ,—это отсутствіе дѣленія пашенъ на поля, а

вмѣстѣ съ тѣмъ—полное отсутствіе обязательнаго сѣвооборота и принудительной обработки; дальнѣйшая особенность—стремленіе избѣгать дробленія земли на мелкія полосы: эти послѣднія рѣдко бываютъ менѣе десятины. Другая, не менѣе характерная черта, тѣсно связанная съ предыдущими,—что за основаніе распредѣленія земли между общинниками принимается не столько пространство, сколько производительность и другія свойства земли, обусловливающія собою ея цѣнность для каждаго даннаго хозяина: каждому общиннику предоставляется взять, по его усмотрѣнію, большее количество земли плохой, удаленной отъ усадьбъ или неудобно расположенной, или наоборотъ, меньшее количество хорошей или околодворной земли; передѣлъ, соотвѣтственно этому, облекается въ формы «набоя», «надорожки», иначе сказать, аукціона, при которомъ всѣ общинники получаютъ пространственно неравные, но разноцѣнные участки. Что касается до мѣстностей, гдѣ земледѣльческихъ угодій мало (главнымъ образомъ сѣверная окраина земледѣльческой части Тобольской губерніи), то въ такихъ мѣстностяхъ, напротивъ, водворялись порядки передѣла, въ общемъ сходные съ великороссійскими и характеризуемые строгимъ количественнымъ и качественнымъ уравненіемъ, которое достигается путемъ дробленія душеваго надѣла на большое число мелкихъ душевыхъ полосъ.

Земли, состоящія въ казенномъ вѣдомствѣ, земли крестьянскія и инородческія, земли занятыя и пустопорожнія, занимаютъ въ Сибири огромныя пространства, измѣряемыя милліонами квадратныхъ верстъ и

сотнями милліоновъ десятинъ. Въ сравненіи съ нѣсколькими милліонами, составляющими въ настоящее время населеніе Сибири, эти пространства кажутся безконечными, и невольно рождается мысль, что Сибирь можетъ дать мѣсто еще многимъ десяткамъ милліоновъ пришлаго населенія, можетъ на многіе десятки, а то и сотни лѣтъ обезпечить Европейскую Россію отъ перенаселенія и служить какъ бы запаснымъ резервуаромъ, способнымъ принять изъ малоземельныхъ губерній Европейской Россіи все ихъ избыточное населеніе Но, если вспомнить географическое положеніе Сибири, если вспомнить именно, что почти вся Сибирь лежитъ на одной широтѣ съ непригодными для земледѣльческой культуры пространствами Британской Америки, и только южныя ея окраины—на одной широтѣ съ сѣверною окраиною Соединенныхъ Штатовъ; если вспомнить, каковы климатическія и вообще природныя условія большей части Сибири, то ясно станетъ, что изложенное мнѣніе, очень распространенное въ русскомъ обществѣ,—не болѣе, какъ плодъ недоразумѣнія: лишь сравнительно небольшую часть Сибири составляютъ мѣстности, предназначенныя природою для культурной жизни. Необъятныя пространства сѣвера Сибири на вѣки осуждены остаться совершенно или почти совершенно ненаселенными и недоступными для земледѣльческой культуры; мало того: даже тамъ, гдѣ вдоль рѣкъ эта культура уже существуетъ въ настоящее время или можетъ развиться въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, междурѣчныя пространства представляютъ собою обширныя болота, тундры или гористыя территоріи, для культуры совершенно непригодныя. Та-

кой характеръ имѣютъ средняя часть Тобольской и сѣверная часть Томской губерніи, почти весь Приамурскій край; то же можно сказать и о трехъ степныхъ областяхъ, гдѣ лишь ничтожные участки пригодны для земледѣлія, а все остальное представляется солонцеватою степью, которой суждено, вѣроятно, навсегда остаться ареною киргизскихъ кочевокъ.

Собственно культурная часть Сибири охватываетъ собою въ настоящее время четыре губерніи коренной Сибири, Западной и Восточной, за исключеніемъ, однако, ихъ сѣверныхъ окраинъ: въ Тобольской губерніи—Березовскаго и Сургутскаго округовъ и сѣверныхъ половинъ Тобольскаго, Туринскаго и Тарскаго; въ Томской—Нарымскаго края; въ Енисейской—Енисейскаго округа и Туруханскаго приставства; въ Иркутской—Киренскаго округа. Сверхъ того, культурный характеръ имѣетъ почти вся Забайкальская область, и на крайнемъ востокѣ—побережья Амура и Уссури,—хотя здѣсь, какъ мы увидимъ, культура существуетъ больше въ будущемъ нежели въ настоящемъ; наконецъ въ степныхъ областяхъ земледѣліе существуетъ и можетъ развиваться только въ нѣкоторыхъ частяхъ слѣдующихъ уѣздовъ: въ Акмолинской области—Кокчетавскаго, Атбасарскаго и Петропавловскаго, въ Семипалатинской—Семипалатинскаго и Павлодарскаго, а кромѣ того въ районахъ искусственнаго орошенія—въ Зайсанскомъ уѣздѣ той же Семипалатинской области и на подгорныхъ полосахъ Семирѣченской.

Затѣмъ весь сѣверъ:—перечисленные выше округа четырехъ губерній коренной Сибири, вся Якутская область, кромѣ ничтожныхъ прирѣчныхъ полосокъ,

Камчатка и морское побережье Охотскаго моря—все это представляетъ собою милліоны квадратныхъ верстъ тундръ и дикихъ лѣсовъ по болотному грунту. Русское населеніе ограничивается здѣсь чинами администраціи, а также торговцами и прикащиками, ведущими мѣновую торговлю въ инородческихъ кочевьяхъ. Остальное населеніе, густота котораго, впрочемъ, не превышаетъ 3—4, а въ Якутской области даже 0,6 человѣкъ на квадратную милю, составляютъ инородцы—самоѣды, остяки, тунгусы, якуты, камчадалы и др., которые существуютъ исключительно охотничьимъ и рыболовнымъ промыслами и олневодствомъ; продукты этихъ промысловъ отчасти служатъ имъ для собственнаго потребленія, главнымъ же образомъ, идутъ въ обмѣнъ на хлѣбъ и другіе припасы, доставляемые русскими торговцами. Торговцы эти путемъ спаиванія и ростовщическаго кредита держатъ инородцевъ въ рабской почти зависимости, и положеніе инородцевъ представляется, вообще говоря, весьма бѣдственнымъ.

Между этою сѣверною, совершенно некультурною частью Сибири и чисто земледѣльческими ея мѣстностями тянется полоса, такъ сказать, переходнаго характера; къ ней принадлежатъ въ Тобольской губерніи южная половина Туринскаго и средняя часть Тобольскаго округа, а также сѣверныя волости Тарскаго; въ Томской—сѣверныя окраины Томскаго и Каинскаго округовъ; въ Енисейской—часть Енисейскаго округа, въ Иркутской—части округовъ Киренскаго и Верхоленскаго и нѣкоторыя другія мѣстности. Эта переходная полоса характеризуется тѣмъ, что земледѣліе достигаетъ здѣсь уже болѣе или менѣе значитель-

наго развитія, но раздѣляетъ роль основного источника благосостоянія съ тѣми или другими промыслами: вдоль рѣкъ вездѣ тянутся болѣе или менѣе узкими полосами земли, удобныя для хлѣбопашества, но количество ихъ недостаточно для того, чтобы занять весь трудъ населенія и вполнѣ обезпечить его благосостояніе; въ то же время лѣса и воды открываютъ просторъ для развитія охоты и рыболовства, кедроваго промысла, заготовокъ дровъ и строеваго лѣса, нѣкоторыхъ кустарныхъ промысловъ и т. п., и въ результатѣ населеніе такихъ мѣстностей имѣетъ полуземледѣльческій, полупромысловый характеръ. Въ населеніи этой переходной полосы русскіе крестьяне смѣшаны съ болѣе или менѣе обрусѣлыми инородцами, и въ образѣ жизни тѣхъ и другихъ не замѣчается существенной разницы.

Значительную долю населенія инородцы (главнымъ образомъ буряты) составляютъ еще и въ тѣхъ частяхъ собственно культурной полосы Сибири, которыя лежатъ дальше къ востоку и заселеніе которыхъ русскими совершилось сравнительно недавно: въ земледѣческихъ округахъ Иркутской губерніи инородцы составляютъ еще около 17%, въ Забайкальской области —около 25% всего населенія, въ культурной области Енисейской и Томской губерній число инородцевъ уже совершенно ничтожно, а въ чисто земледѣльческихъ округахъ Тобольской губерніи ихъ почти вовсе нѣтъ.

Главною характерною чертой культурной полосы Сибири являются значительные размѣры земледѣлія и преобладающее его значеніе, какъ основного источника благосостоянія.

Средній размѣръ засѣваемой площади на одинъ дворъ сельскаго населенія, включая сюда крестьянъ, инородцевъ и ссыльныхъ, по новѣйшимъ статистическимъ даннымъ равняется:

въ южныхъ округахъ Тобольской губ. . .	5,4 дес.
въ восточной части Томской губ.	5,8 »
въ земледѣльческомъ районѣ Иркутской губ.	5,4 »

а на каждыя 100 душъ наличнаго населенія засѣянной хлѣбами площади приходится:

въ южныхъ округахъ Тобольской губ. . .	104 дес.
въ восточной части Томской губ.	87 »
въ земледѣльческомъ районѣ Иркутской губ	97 »

Роль земледѣлія въ экономической жизни населенія и, въ частности, его потребительное значеніе измѣняется, конечно, для каждой волости, а нерѣдко и для отдѣльнаго селенія, въ зависимости отъ количества удобныхъ для хлѣбопашества земель, ихъ почвенныхъ и т. п. условій, но, взятый какъ одно цѣлое, земледѣльческій районъ не только прокармливаетъ свое населеніе, но и даетъ весьма значительные излишки хлѣба; продажа этихъ излишковъ является главнымъ источникомъ, изъ котораго населеніе земледѣльческаго района платитъ подати и удовлетворяетъ своимъ важнѣйшимъ потребностямъ. По новѣйшимъ даннымъ, населеніе земледѣльческихъ округовъ Иркутской губерніи потребляетъ при среднемъ урожаѣ всего около 59% производимаго хлѣба, населеніе сѣверо-восточнаго угла земледѣльческаго района Томской губерніи—около 66%; 41% производимаго въ первой

изъ названныхъ мѣстностей и 34% во второй составляютъ продажный избытокъ. Между тѣмъ, названныя мѣстности далеко не принадлежатъ къ числу наиболѣе хлѣбородныхъ областей земледѣльческой Сибири: въ такихъ мѣстностяхъ, какъ Алтайскій горный округъ, Минусинскій округъ Енисейской губерніи, лучшія волости юго-западныхъ округовъ Тобольской губерніи, отношеніе производства хлѣбовъ къ потребленію еще значительно благопріятнѣе, и продажный избытокъ при среднихъ урожаяхъ составляетъ не менѣе половины всего производимаго количества хлѣба. Нельзя не упомянуть, однако, что въ чертѣ земледѣльческой полосы Сибири попадаются и такіе участки, гдѣ земля, благодаря дурнымъ почвеннымъ и климатическимъ условіямъ, не можетъ прокормить населенія,—но такіе участки очень не велики и населеніе ихъ существуетъ насчетъ избытка хлѣба смежныхъ болѣе хлѣбородныхъ мѣстностей.

Во всякомъ случаѣ, вся экономическая судьба населенія культурной полосы Сибири всецѣло опредѣляется, вообще говоря, положеніемъ земледѣлія и тѣсно связаннаго съ нимъ скотоводства: хороша земля, —населеніе достигаетъ высокой степени зажиточности и быстро растетъ какъ естественнымъ путемъ, такъ и путемъ наплыва пришлыхъ элементовъ; земля плоха, —населеніе обыкновенно бѣдствуетъ и не рѣдко расползается во всѣ стороны искать лучшихъ мѣстъ для поселенія. Послѣдовали одинъ за другимъ два, три хорошихъ урожая,—крестьяне богатѣютъ, увеличиваютъ запашки и скотоводство, обстраиваются, исправно платятъ подати и уплачиваютъ старыя недоимки; настали два, три неурожая, а особенно если къ нимъ

присоединился падежъ скота,—и богачи обращаются въ нищихъ, запашки сокращаются, значительная часть населенія бредетъ за сотни верстъ искать заработка или милостыни; подати перестаютъ поступать, и въ немного лѣтъ накопляются огромныя недоимки. Ремесла и промыслы, говоря вообще, играютъ въ экономической жизни населенія земледѣльческой полосы Сибири самую незначительную роль.

Но есть внутри земледѣльческой полосы и такіе районы, гдѣ земледѣліе утрачиваетъ роль единственнаго, основного источника благосостоянія и либо дѣлится этою ролью съ другими заработками, либо даже совсѣмъ уступаетъ ее этимъ послѣднимъ. Такъ, можно указать прежде всего на многія мѣстности, лежащія вдоль береговъ большихъ рѣкъ, гдѣ весьма существенную роль въ экономической жизни населенія играютъ рыболовство, служба на судахъ, а, если вблизи есть хорошіе лѣса, то и сплавъ лѣсныхъ матеріаловъ; въ мѣстностяхъ, близко подошедшихъ къ не населеннымъ таёгамъ и урманамъ, важное значеніе имѣютъ: охотничій промыселъ, добываніе кедровыхъ орѣховъ, а при наличности удобнаго сбыта, и лѣсныя заготовки; волости, прилегающія къ такимъ крупнымъ городскимъ центрамъ, какъ Томскъ, Тюмень, Красноярскъ, Иркутскъ, имѣютъ характеръ, обычный для пригородныхъ районовъ: земледѣліе въ нихъ мало развито или вовсе не существуетъ, и населеніе живетъ огородничествомъ, молочнымъ хозяйствомъ, заготовкой сѣна и дровъ, сдачею на лѣто дачныхъ помѣщеній, работами по очисткѣ городскихъ улицъ и дворовъ и т. п. занятіями, непосредственно служащими къ удовлетворенію потребностей городскаго населенія; есть, далѣе,

нѣсколько кустарныхъ районовъ: самый большой изъ нихъ окружаетъ городъ Тюмень и тянется отъ него къ сѣверо-западу, второй расположенъ вокругъ гор. Томска, другіе, болѣе мелкіе, встрѣчаются во всѣхъ губерніяхъ земледѣльческой полосы Сибири. Во всѣхъ этихъ кустарныхъ районахъ выдѣлываются преимущественно деревянныя издѣлія и продукты перегонки дерева, предназначенные служить частью для потребностей мѣстнаго, собственно крестьянскаго населенія, частью—для снаряженія двигающихся по главному сибирскому и другимъ трактамъ обозовъ. Но значеніе всѣхъ перечисленныхъ не земледѣльскихъ заработковъ въ общей экономіи Сибири и, въ частности, ея земледѣльческой полосы, совершенно меркнетъ передъ тою ролью, которую играетъ, и особенно игралъ въ прежнее время, главный Сибирскій трактъ. Прежде, пока не было пароходнаго сообщенія, трактъ этотъ былъ единственною артеріею, связывавшею Европейскую Россію съ Сибирью, а черезъ нее и съ Китаемъ.

Движеніе по тракту и лѣтомъ, и зимой, было огромно; перевозка пассажировъ и товаровъ, почтъ и арестантовъ, земскихъ чиновниковъ и солдатскихъ партій, поглощала почти всю рабочую способность трактоваго населенія; земледѣліемъ на трактѣ занимались сравнительно немногіе, да и тѣ не видѣли въ немъ своего главнаго занятія; масса населенія жила исключительно или почти исключительно извозомъ, дворничествомъ, а нерѣдко и разными видами легкой наживы. Въ настоящее время значеніе тракта далеко не то: пароходство по Иртышу и Оби почти совершенно убило лѣтнее движеніе на участкѣ тракта между Тюменью и Томскомъ, пароходство по Чулыму погло-

тило значительную часть движенія между Томскомъ и Ачинскомъ; трактъ оживаетъ здѣсь только зимой, да и зимнее движеніе теперь гораздо меньше прежняго и далеко не даетъ прежнихъ барышей трактовому населенію; послѣднее, поэтому, бросилось на земледѣліе, запашки вездѣ расширились и будутъ расширяться и далѣе, и трактовыя селенія утратили уже значительную часть своей прежней своеобразности.

На этомъ мы можемъ закончить общую характеристику земледѣльческой полосы Сибири. Что касается до окраинъ, то объ Якутской области намъ уже пришлось упоминать, какъ о мѣстности, совершенно некультурной и населенной инородцами—охотниками и рыболовами; здѣсь надо указать только на значеніе при-Ленскаго тракта, вдоль котораго группируется почти все русское населеніе области и который доставляетъ этому населенію главнѣйшія средства къ существованію. Въ трехъ степныхъ областяхъ, какъ мы уже упоминали, есть культурные оазисы, гдѣ существуетъ и можетъ развиваться земледѣліе; затѣмъ все остальное пространство этихъ областей представляетъ собою кочевья киргизовъ, живущихъ исключительно продуктами своего скотоводства и не обѣщающихъ въ сколько-нибудь близкомъ будущемъ перейти ни къ земледѣльческой культурѣ, ни къ промысловой дѣятельности; попытки перехода къ земледѣлію, встрѣчаемыя между киргизами, представляются, вообще говоря, совершенно отрывочными и ничтожными и не имѣютъ сколько нибудь серьезнаго значенія; даже поселившіеся отдѣльными дворами въ крестьянскихъ селеніяхъ южной части Тобольской губерніи киргизы, нерѣдко принявшіе православіе, и

тѣ занимаются исключительно скотоводствомъ, пастьбою скота по найму у крестьянъ, нерѣдко конокрадствомъ, и только наиболѣе зажиточные изъ нихъ сѣютъ овесъ, чтобы кормить имъ своихъ многочисленныхъ лошадей. Не подходятъ подъ эту общую характеристику кочевниковъ только киргизы, живущіе въ части Зайсанскаго уѣзда и на подгорьяхъ Семирѣченской области, такъ называемые киргизы Большой Орды и Дикокаменные, представляющіе весьма любопытную комбинацію кочеваго быта съ очень интензивнымъ ирригаціоннымъ земледѣліемъ: и эти киргизы, какъ и другіе, имѣютъ мѣста зимняго и лѣтняго кочеванія, но изъ этихъ послѣднихъ они по нѣскольку разъ въ лѣто прикочевываютъ къ пашнямъ для поливки ихъ, пахоты и посѣва, уборки хлѣба и т. п. Съ приходомъ русскаго населенія, киргизы не только научили его своимъ земледѣльческимъ пріемамъ, но и уступили ему значительную часть своихъ орошаемыхъ земель, а сами перенесли центръ тяжести своего хозяйства на скотоводство; отъ этого, впрочемъ, они мало потеряли, такъ какъ выгодный сбытъ, появившійся съ приходомъ русскихъ на продукты ихъ скотоводства, вполнѣ вознаградилъ ихъ за сокращеніе земледѣлія,

Переходя, наконецъ, къ Амурской окраинѣ, мы находимъ, что при-Амурье можетъ быть разбито на три крупныхъ участка; одинъ—выше впаденія въ Амуръ Зеи, другой—ниже впаденія Буреи; на этихъ двухъ участкахъ для культуры пригодны въ настоящее время только земли, расположенныя на второй террасѣ Амурской долины (первая терраса затопляется по нѣскольку разъ въ лѣто, а потому ни для поселенія,

ни для земледѣлія служить не можетъ); внѣ этой долины мѣстность представляетъ собою частью горные хребты, частью изрытыя оврагами и долинами плоскогорья, плато которыхъ, благодаря покрывающему ихъ дремучему лѣсу, никогда какъ слѣдуетъ не просыхали и потому имѣютъ въ значительной степени болотистый характеръ; по мѣрѣ вырубки и выжиганія лѣсовъ почва плоскогорій мало по малу просыхаетъ и становится годною для культуры, такъ что современемъ послѣдняя несомнѣнно будетъ захватывать все болѣе и болѣе широкую полосу. Но этотъ процессъ не можетъ идти быстро, и во всякомъ случаѣ въ настоящее время вся нагорная часть разсматриваемой мѣстности представляется совершенно пустынною и служитъ только ареной охотничьяго промысла при-Амурскаго населенія. Главнымъ занятіемъ послѣдняго является земледѣліе; при посѣвѣ въ среднемъ по 4—5 десятинъ на дворъ, оно въ общемъ обезпечиваетъ продовольствіе мѣстнаго населенія, но почти не даетъ ему продажныхъ избытковъ хлѣба; важнѣйшими дополнительными заработками являются перевозка товаровъ на золотые пріиски, доставка на тѣ же пріиски сѣна, рыболовство, охотничій промыселъ, поставка дровъ на пароходы и т. д. На участкѣ между Зеей и Буреей пригодная для земледѣлія полоса гораздо шире; здѣсь годна для культуры не только вторая терраса Амурской долины, но и водораздѣлъ Зеи и и Буреи, заслуживающій названія «Амурской преріи». Населеніе частью русское, частью манжурское здѣсь гораздо гуще, нежели въ остальномъ при-Амурьѣ, размѣры запашекъ гораздо больше, хлѣбъ производится не только для собственнаго потребленія, но и

на продажу. Но и въ этой области, какъ и во всемъ вообще при-Амурьѣ, развитію культуры мѣшаютъ климатическія условія,—именно избытокъ влаги; чрезмѣрно влажный и дождливый климатъ очень дурно отражается и на качествѣ зерна, которое поэтому совершенно не выдерживаетъ конкуренціи съ калифорнійскимъ, и на скотоводствѣ, которое не приноситъ мѣстному населенію почти никакой выгоды. Чтобы могла развиться культура, нужно или измѣненіе климатическихъ условій, на что можно разсчитывать въ будущемъ*), или выработка новыхъ, болѣе соотвѣтствующихъ этимъ условіямъ пріемовъ земледѣльческаго и скотоводческаго хозяйства.

Еще гораздо больше избытокъ влаги на самой восточной окраинѣ при-Амурья и всей вобще культурной Сибири—въ Уссурійскомъ краѣ: здѣсь сѣять хлѣбъ нельзя иначе, какъ грядами, оставляя между ними канавки для стока воды и свободнаго движенія воздуха и развитіе культуры здѣсь еще менѣе, нежели въ остальномъ при-Амурьѣ, невозможно иначе, какъ по предварительной осушкѣ края или при условіи примѣненія какихъ-либо другихъ мѣръ для борьбы съ избыткомъ влаги.

На этомъ мы можемъ закончить общую экономическую характеристику тѣхъ районовъ, на которые распадается Сибирь по степени развитія земледѣльческой культуры, и перейдемъ теперь къ обзору отдѣльныхъ источниковъ благосостоянія сибирскаго населенія. Въ виду преобладающаго значенія земледѣлія

*) Такое измѣненіе замѣчено было новѣйшимъ изслѣдователемъ края профессоромъ Коржинскимъ по сравненію и показаніямъ академика Максимовича, путешествовавшаго по Амуру лѣтъ 30 тому назадъ

для главной массы этого населенія, мы должны съ него начать нашъ обзоръ и ему посвятить наиболѣе мѣста и вниманія.

Весь характеръ и складъ земледѣльческаго производства опредѣляется густотою населенія, условіями сбыта и т. п. условіями экономическаго характера, съ одной стороны, и условіями естественно-историческими—главнымъ образомъ почвенными и климатическими, съ другой. О нѣкоторыхъ изъ этихъ условій была уже рѣчь въ предыдущемъ изложеніи; о сбытѣ и вообще экономической обстановкѣ сибирскаго земледѣлія намъ придется говорить ниже. На этомъ мѣстѣ необходимо поэтому дать только общую характеристику сибирскихъ почвъ. Къ сожалѣнію, имѣющіяся по этому вопросу свѣдѣнія далеко не могутъ быть признаны удовлетворительными: строго научное изслѣдованіе почвъ, съ химическими анализами, произведено было до сихъ поръ только въ двухъ небольшихъ районахъ: въ одномъ округѣ Иркутской губерніи и въ Барабинской степи, Томской губерніи; затѣмъ по нѣкоторымъ округамъ Тобольской и Томской губерній, по при-Амурскому краю имѣются почвенныя описанія, основанныя на простыхъ осмотрахъ, связанныхъ съ измѣреніями мощности почвы и лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ опредѣленіями образцовъ почвы по наружному виду, рѣже путемъ отмучиванія, опредѣленія гумуса и т. п. болѣе точныхъ пріемовъ. По многимъ же мѣстностямъ Сибири въ литературѣ нѣтъ и вовсе никакихъ указаній на почвенныя условія. Такимъ образомъ, почвенныя условія Сибири еще ожидаютъ серьезнаго научнаго изученія, а потому мы

можемъ дать лишь самый общій очеркъ этихъ условій, только самую поверхностную характеристику, далеко не удовлетворяющую требованіямъ строгаго научнаго описанія.

Наибольшее разнообразіе представляютъ и въ то же время сравнительно точнѣе и полнѣе описаны почвенныя условія Тобольской губерніи. Та часть этой послѣдней, гдѣ существуетъ земледѣліе, въ смыслѣ расположенія пахатныхъ земель и ихъ почвенныхъ условій можетъ быть раздѣлена на три полосы: сѣверную, лежащую къ сѣверу приблизительно отъ 58—59 параллели и захватывающую сѣверныя части округовъ Туринскаго и Тобольскаго; среднюю, лежащую, примѣрно, между 56 и 58½ параллелью и обнимающую южныя окраины двухъ только что названныхъ округовъ, весь Тюменскій округъ и сѣверныя половины Тарскаго, Ишимскаго и Ялуторовскаго, и полосу южную, охватывающую южныя части трехъ послѣднихъ округовъ, округа Курганскій и Тюкалинскій въ полномъ составѣ и прилегающую къ границѣ Тобольской губерніи окраину Акмолинской области.

Сѣверная изъ очерченныхъ только что полосъ представляетъ собою мѣстность, гдѣ земледѣліе существуетъ лишь спорадически: это сплошныя пространства лѣсисто-болотнаго характера, въ общемъ совершенно неудобныя для земледѣльческой культуры и разработанныя подъ пашню лишь по узкимъ полоскамъ, окаймляющимъ русла болѣе крупныхъ рѣкъ и обращеніемъ своимъ въ пригодное для культуры состояніе обязаннымъ ихъ дренирующему вліянію. Пахатныя земли расположены здѣсь частью на болѣе высокихъ, не затопляемыхъ обыкновенными разливами

рѣкъ участкахъ рѣчныхъ долинъ, частью на отлогихъ скатахъ—«увалахъ»,—соединяющихъ дно долины съ плоскимъ междурѣчнымъ плато, частью тамъ, гдѣ долина ограничивается не отлогимъ скатомъ, а крутымъ обрывомъ,—«яромъ»,—и по окаймляющимъ «яры» узенькимъ полоскамъ междурѣчнаго пространства, за которыми сейчасъ же начинаются некультурныя площади болотистаго урмана. Что касается до почвъ, то на пашняхъ первой группы преобладаютъ очень связныя глинистыя почвы частью сѣрыя, слабо окрашенныя гумусомъ, частью черныя, заключающія этого послѣдняго 10—12 и до 15% черныя земли представляютъ, однако, двѣ разновидности: съ одной стороны—глинистый черноземъ на участкахъ съ выпуклымъ рельефомъ, наиболѣе плодородная изъ всѣхъ, встрѣчающихся въ данной мѣстности почвъ; съ другой—черная земля на участкахъ, имѣющихъ вогнутый рельефъ и страдающихъ отъ избытка влаги, очень плохая и неплодородная почва болотно-растительнаго характера, неспособная давать удовлетворительныхъ урожаевъ даже озимой ржи и благопріятствующая посѣвамъ одного только овса. На отлогихъ увалахъ преобладаютъ почвы болѣе рыхлыя, хотя все же съ преобладающимъ суглинистымъ характеромъ, довольно богатыя перегноемъ и окрашенныя въ темно-бурый цвѣтъ, на красновато-желтой глинистой подпочвѣ; эти почвы, наряду съ глинистымъ черноземомъ рѣчныхъ долинъ, считаются наиболѣе, въ данной мѣстности, доброкачественными; увальныя пашни цѣнятся тѣмъ болѣе, что, благодаря своему мѣстоположенію, онѣ болѣе другихъ обезпечены отъ неблагопріятныхъ атмосферическихъ и т. п. вліяній. Наконецъ, пашни,

распаханныя вдоль «яровъ», по окраинамъ междурѣчныхъ плато, имѣютъ почву, очень бѣдную гумусомъ и способную давать урожай лишь при очень интензивномъ удобреніи; отчасти—это рыхлыя супесчаныя земли, въ ближайшихъ къ Уралу мѣстностяхъ съ замѣтною примѣсью мелкихъ камешковъ, «гальки», отчасти—подзолистые суглинки типа, господствующаго въ мѣстностяхъ, лежащихъ дальше къ югу.

Вся средняя полоса Тобольской губерніи представляетъ собою совершенно плоскую равнину, прорѣзаемую лишь болѣе или менѣе широкими долинами различныхъ рѣкъ и рѣчекъ. Какъ и сѣверная полоса, она имѣетъ преобладающій лѣсной характеръ; но въ отличіе отъ сѣверной полосы въ ней господствуютъ не хвойные, а лиственные, главнымъ образомъ, березовые лѣса; затѣмъ болота, хотя очень обширныя и здѣсь, занимаютъ, однако, въ средней полосѣ гораздо меньшую часть общей площади, нежели въ сѣверной полосѣ. Въ мѣстностяхъ средней полосы, поэтому, удобными для земледѣльческой культуры представляются не только рѣчныя долины и окаймляющія ихъ полосы, но и болѣе или менѣе значительныя части междурѣчныхъ плато; удобныя для хлѣбопашества земли разбросаны здѣсь болѣе или менѣе обширными участками, а иногда и мелкими клочками, между неудобными для культуры лѣсными и болотными землями. Почвенныя условія этихъ лѣсныхъ пашенъ представляются очень однообразными: это почти исключительно «бѣлики», характеризуемые весьма тонкимъ, въ вершокъ или полтора, слоемъ дерна, подъ которымъ залегаетъ слой, вершковъ въ 5—6, почти безплоднаго, свѣтло-сѣраго подзолистаго суглинка, лежащаго на

красновато-желтой глинѣ. Довольно пригодные для хозяйства съ удобреніемъ, «бѣлики», при отсутствіи послѣдняго, очень неблагопріятны для земледѣлія по своимъ физическимъ свойствамъ и, въ то же время очень малоплодородны хлѣбныя растенія берутъ пищу только изъ верхняго, дернового слоя и, когда послѣдній истощается—а истощеніе наступаетъ послѣ 3—4 хлѣбовъ,—то пашню приходится бросать на 20—25 и болѣе лѣтъ, пока на ней не образуется новый дерновый слой. Понятно при такихъ условіяхъ, почему земледѣліе на почвахъ этого рода можетъ лишь слабо развиваться; оно поэтому группируется и во всей средней полосѣ вдоль рѣкъ, гдѣ почвенныя условія представляются гораздо болѣе благопріятными: распахиваются главнымъ образомъ отлогіе прирѣчные «увалы», тянущіеся иногда вдоль обоихъ береговъ рѣкъ, иногда вдоль одного изъ нихъ и при болѣе значительныхъ рѣкахъ достигающіе въ ширину нѣсколькихъ верстъ, при вышинѣ надъ уровнемъ долины до 30—40 саженъ. Почвенныя условія «увальныхъ» пашенъ довольно однообразны: почва—вездѣ темно-бурый суглинокъ, довольно рыхлый, нерѣдко съ замѣтною на глазъ примѣсью крупныхъ зеренъ кварца, на красно-желтой глинистой подпочвѣ; мощность пахатнаго слоя обыкновенно колеблется отъ 5—6 до 8 вершковъ, при чемъ почва бываетъ тѣмъ богаче гумусомъ и тѣмъ плодороднѣе, чѣмъ больше мощность пахатнаго слоя. Надъ «увалами», на окаймляющихъ послѣдніе полосахъ междурѣчнаго плато, почва нерѣдко переходитъ въ очень мощную (10—12 вершковъ и болѣе), богатую гумусомъ (до 15—17%), но малоплодородную рыхлую землю, имѣющую несомнѣнный

болотно-растительный характеръ. Внутри рѣчныхъ долинъ пашутъ мало:—большею частью эти долины представляютъ собою луговыя поймы или же бываютъ настолько узки, что не оставляютъ простора для развитія земледѣлія; тамъ же, гдѣ долины пашутся, преобладаютъ связныя глинистыя почвы тѣхъ же типовъ, которые мы очертили, говоря о почвахъ сѣверной полосы.

Но наибольшій интересъ и наибольшее разнообразіе представляютъ почвенныя условія южной полосы Тобольской губерніи, входящей въ составъ, такъ называемой, Ишимской степи. Рельефъ этой степи представляется въ высшей степени любопытнымъ. Въ общемъ безусловно плоская, она усѣяна массою озеръ, между которыми тянутся небольшія возвышенія—«гривы» или «острова»; всегда длинные и узкіе въ планѣ (длина достигаетъ иногда многихъ верстъ, ширина на уровнѣ горизонта измѣряется сотнями саженъ и никогда не превышаетъ версты), всегда направляясь своею длинною осью съ WSW на ONO и не превышая 3—4 саженъ въ вышину, они имѣютъ чрезвычайно отлогіе склоны и характеризуются преобладаніемъ темно-бурыхъ, рыхло-суглинистыхъ почвъ съ сильною примѣсью бѣлаго песка на красноватой глинистой подпочвѣ. На видъ очень сходныя съ «увальными» почвами средней полосы, почвы на «островахъ» Ишимской степи, характеризуемыя произрастаніемъ въ нераспаханномъ состояніи дикой вишни, гораздо плодороднѣе и особенно хороши для культуры пшеницы, почему и засѣваются преимущественно этою послѣднею. Что касается до лежащихъ между «островами» плоскихъ пространствъ, то они представляютъ собою

частью «голый солонецъ», совершенно обнаженный отъ растительности или покрытый растительностью вродѣ salsula и т. п., частью ковыльную степь, по которой въ едва замѣтныхъ на глазъ ложбинкахъ разбросаны березовые и осиновые перелѣски—«колки». Участки, удобные подъ культуру хлѣбовъ, есть и на открытой степи, и въ «колкахъ», но почвенныя условія тѣхъ и другихъ совершенно различны: на открытой степи почва—«подсолонокъ»—темносѣрая, очень связная глина, покрытая тонкимъ дерновымъ слоемъ; въ «колкахъ»—черная, очень мощная, но въ то же время мало плодородная почва, имѣющая опредѣленный болотно-растительный характеръ.

И общій видъ, и почвенныя условія Ишимской степи нѣсколько измѣняются, по мѣрѣ движенія съ запада на востокъ; на западной ея окраинѣ—въ Курганскомъ округѣ и въ юго-западной части Ишимскаго—«острова» не велики, но зато расположены очень густо, такъ что занимаютъ большую часть территоріи и сообщаютъ послѣдней волнообразный характеръ; почвы окрашены очень темно и дикая вишня—признакъ отличнаго ихъ качества—встрѣчается повсемѣстно. Далѣе къ востоку—въ юго-восточномъ углу Ишимскаго округа и въ Тюкалинскомъ—вишня исчезаетъ, почвы на «островахъ» имѣютъ, вообще говоря, болѣе свѣтлую окраску и гораздо менѣе плодородны; сами «острова», каждый въ отдѣльности, гораздо болѣе длинные, разбросаны по степи довольно рѣдко, такъ что степь здѣсь имѣетъ, въ общемъ, скорѣе плоскій, нежели волнообразный характеръ.

Очень сходный съ Ишимскою степью рельефъ имѣетъ и лежащая къ востоку отъ нея Барабинская

степь, охватывающая въ Тобольской губерніи восточную половину Тюкалинскаго округа и въ Томской—юго-западную половину Каинскаго округа. И здѣсь горизонтальная поверхность степи усѣяна съ одной стороны озерами, съ другой—продолговатыми возвышеніями,—«гривами» или «островами»; и здѣсь, какъ и въ Ишимской степи зависимость между рельефомъ и почвою такъ тѣсна, что, какъ говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей, г. Филимоновъ, «зная рельефъ того или другого урочища, можно легко опредѣлить и самую почву, залегающую на урочищѣ»: на «гривахъ» широкихъ и пологихъ залегаетъ всюду черноземъ, на «гривахъ» узкихъ и сравнительно крутыхъ—суглинокъ, нѣкоторыя широкія гривы имѣютъ отлогій сѣверный и болѣе крутой южный склонъ,—тогда на сѣверномъ склонѣ оказывается черноземъ, на южномъ - суглинокъ; что касается до плоскаго «междугривнаго» пространства, то болѣе низкіе участки его представляютъ собою солонецъ, частью «бѣлый», покрытый солянымъ налетомъ и лишенный всякой растительности, частью—черный, покрытый травянистою растительностью, но тоже непригодный для культуры хлѣбовъ; на болѣе высокихъ участкахъ, ближайшихъ къ подошвамъ «гривъ», почва - «подсолонокъ», того же типа, что и въ Ишимской степи, удобный для культуры хлѣбныхъ растеній.

Въ отношеніи плодородія пахатныхъ земель Барабинская степь поставлена въ одинаковыя условія съ восточною окраиной Ишимской и въ худшія, нежели западная окраина этой послѣдней, въ Барабинской степи, какъ и въ восточной части Ишимской, не встрѣчается дикой вишни, характеризующей лучшія

пшеничныя земли западной части Ишимской степи. Внутри самой Барабинской степи общій уровень плодородія также не представляется однообразнымъ: наименѣе плодородна сѣверная окраина Барабы, гдѣ степь постепенно переходитъ въ урманно-болотистое пространство, наиболѣе плодородна южная окраина, захватывающая часть Барнаульскаго и Бійскаго округовъ и подходящая къ предгорьямъ Алтая.

Начиная отъ восточной границы Барабинской степи и до самаго озера Байкала, охватывая восточные округа Томской губерніи и всю культурную часть Енисейской и Иркутской, тянется мѣстность, представляющаяся довольно однообразною и по общему характеру, и по почвеннымъ условіямъ. Нѣкоторую особенность представляютъ собою только южныя окраины Енисейской и Иркутской губерній,—особенно Минусинскій округъ,—имѣющія степной характеръ съ преобладаніемъ доброкачественныхъ черноземныхъ почвъ, дающихъ отличные урожаи пшеницы. Все остальное пространство представляетъ собою то, что можно обозначить названіемъ средне-сибирскаго полѣсья.

Съ южной стороны вся средняя Сибирь окаймляется, какъ извѣстно, высокими горными хребтами: Алтаемъ, Алатау и Саянами; но горныя системы этихъ хребтовъ заполняютъ собою мѣстность, почти необитаемую и совершенно не принадлежащую къ составу культурной полосы Сибири, и лишь мѣстами въ предѣлы этой полосы заходятъ послѣдніе, имѣющіе видъ небольшихъ холмиковъ отроги ихъ. Затѣмъ, вся культурная часть средне-сибирскаго полѣсья представляетъ собой, вообще говоря, типическую плоскую возвышенность, и встрѣчаемыя на ея поверхности значи-

тельныя неровности произошли почти исключительно отъ того, что рѣки вымыли въ ней болѣе или менѣе глубокія долины, гдѣ рѣки многоводны и русла ихъ расположены близко другъ отъ друга, тамъ общій равнинный характеръ мѣстности совершенно маскируется: плоскихъ пространствъ почти не видно: весь рельефъ слагается изъ окаймляющихъ рѣчныя долины «уваловъ», и вся мѣстность производитъ впечатлѣніе холмистой территоріи, гдѣ междурѣчные водораздѣлы кажутся, какъ бы невысокими горными хребтами; гдѣ рѣки менѣе сближены между собою и менѣе богаты водою, тамъ плоскій характеръ мѣстности проявляется совершенно наглядно, и узкія рѣчныя долины занимаютъ лишь ничтожную часть пространства сравнительно съ плоскими междурѣчными плато. Какъ мы сейчасъ увидимъ, такой плоскій рельефъ, по связаннымъ съ нимъ почвеннымъ условіямъ, гораздо менѣе благопріятенъ для развитія земледѣлія, нежели рельефъ болѣе волнистый.

Въ почвенномъ отношеніи характерною чертой средне-сибирскаго полѣсья—по крайней мѣрѣ его культурной части—(въ тайгѣ господствуютъ сѣрые суглинки) представляется преобладаніе черноземныхъ и вообще темно-окрашенныхъ почвъ, при чемъ, въ отличіе отъ богатыхъ гумусомъ почвъ Тобольской губерніи, черноземы этой мѣстности не имѣютъ буроватой окраски, а окрашены въ совершенно черный цвѣтъ. Какъ и въ описанныхъ раньше мѣстностяхъ, характеръ почвы и здѣсь находится въ тѣснѣйшей зависимости отъ рельефа: доброкачественныя почвы сухопутно-растительнаго характера расположены исключительно на участкахъ съ покатымъ рельефомъ, да-

ющимъ свободный стокъ водѣ,—слѣдовательно главнымъ образомъ по «увaламъ», окаймляющимъ рѣчныя долины. Гдѣ «увалы» болѣе отлоги, тамъ почва мощнѣе (6—8 и до 10 вершк.) и богаче гумусомъ (10—12%); она имѣетъ совершенно черную окраску и, сохраняя суглинистый характеръ, представляется, однако, довольно рыхлой; какъ по своимъ физическимъ свойствамъ, такъ и по степени изобилія питательныхъ веществъ, эта почва представляется весьма благопріятною для культуры хлѣбовъ и особенно для посѣвовъ ржи. Гдѣ увалы болѣе круты, тамъ процентъ гумуса меньше (5—6%), мощность почвы не превышаетъ 4—5 вершковъ, окраска ея вмѣсто черной становится темно-сѣрою, самая почва гораздо связнѣе, а урожайность ея замѣтно ниже урожайности черныхъ почвъ, характеризованныхъ ранѣе. Что касается до плоскихъ междурѣчныхъ пространствъ, то здѣсь господствуютъ черныя почвы болотно-растительнаго характера: чаще встрѣчаются связныя иловато-глинистыя почвы, рѣже—рыхлыя перегнойно-торфяныя; не смотря на значительную мощность (12—16 вершк. и болѣе) и богатство перегноемъ (15—17%), почвы того и другого типа представляются мало пригодными для культуры хлѣбовъ: не говоря уже о пшеницѣ, даже рожь родится на нихъ плохо, такъ что земли съ растительно-болотными почвами засѣваются по преимуществу овсомъ.

Ясно теперь, почему волнистый рельефъ мѣстности въ средне-сибирскомъ полѣсьѣ удобнѣе для хлѣбопашества, нежели рельефъ плоскій: гдѣ преобладаютъ склоны, тамъ господствуютъ доброкачественныя черныя и сѣрыя почвы, такъ что въ мѣстностяхъ, по всѣмъ направленіямъ изрытыхъ долинами рѣкъ и

рѣчекъ, чуть не вся территорія нерѣдко бываетъ занята пашнями съ хорошею черноземною почвой; гдѣ преобладаютъ плоскіе водораздѣлы, тамъ доброкачественныя почвы занимаютъ лишь узенькія полоски, окаймляющія берега рѣкъ, а господствуютъ частью вовсе неудобныя для культуры мокрыя земли, частью пашни съ плохою, болотно-растительною почвой.

На этомъ мы можемъ закончить нашъ очеркъ почвенныхъ условій земледѣльческой полосы коренной Сибири; въ заключеніе скажемъ еще нѣсколько словъ о почвенныхъ условіяхъ одной изъ окраинъ Сибири, по которой имѣются болѣе точныя свѣдѣнія,—а именно при-Амурья.

Тѣ три участка, на которые мы распредѣлили при-Амурье въ предыдущемъ изложеніи, рѣзко различаются и въ почвенномъ отношеніи. Выше устья Зеи и ниже устья Буреи преобладаютъ залегающія на каменныхъ коренныхъ породахъ темно-бурыя глинистыя почвы, мѣстами прикрытыя тонкимъ дерновымъ слоемъ перегноя, а мѣстами и. совершенно лишенныя перегнойной окраски; только въ поймѣ рѣки Амура глинистыя почвы уступаютъ мѣсто крупнозернистымъ песчанымъ, гораздо менѣе плодороднымъ почвамъ, а въ густыхъ лѣсахъ—подзолистой почвѣ, имѣющей въ верхнемъ горизонтѣ блѣдно-сѣрую, въ нижнемъ—бѣлесоватую окраску. На пространствѣ, заключенномъ между долинами Зеи и Буреи, вся площадь, какъ констатируетъ проф. Коржинскій, «сложена изъ песчанистыхъ глинъ, довольно вязкихъ въ верхнемъ горизонтѣ. Онѣ покрыты слоемъ темной перегнойной почвы, имѣющей на пологихъ увалахъ 4—6 вершковъ, а на низинахъ до 1½ аршинъ мощности». На сухихъ,

возвышенныхъ мѣстахъ эта почва по своимъ физическимъ свойствамъ и структурѣ напоминаетъ русскій черноземъ, въ болѣе же низкихъ мѣстахъ она явно полуболотнаго происхожденія, напоминая во всѣхъ отношеніяхъ болотно-растительныя почвы Западной Сибири и не имѣя ни по своему происхожденію, ни по хозяйственному значенію ничего общаго съ настоящимъ черноземомъ.

При томъ чрезвычайномъ разнообразіи природныхъ условій, которое было очерчено на предыдущихъ страницахъ, нельзя было бы и ожидать встрѣтить въ Сибири какихъ либо однообразныхъ хозяйственныхъ порядковъ и въ особенности однообразной системы полеводства. И дѣйствительно, системы и типы полеводства и сѣвооборота въ Сибири представляются очень разнообразными,

Въ тѣхъ изъ сибирскихъ губерній, которыя содержатъ въ себѣ главную массу земледѣльческаго населенія и удобныхъ для сельскохозяйственной культуры земель—Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской, въ Забайкальской области, а также въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ Акмолинской и отчасти Семипалатинской областей – господствуетъ всецѣло своеобразная, неизвѣстная въ Европейской Россіи система полеводства, которой по иниціативѣ пишущаго эти строки усвоено названіе *залежно-паровой**) системы: земледѣліе при этой системѣ основывается исключительно на эксплуатаціи естественныхъ производитель-

*) Система эта неоднократно смѣшивалась изслѣдователями съ перемежною и подсѣчною, но, очевидно, представляетъ коренныя отличія и отъ той, и отъ другой.

ныхъ силъ земли, не поддерживаемыхъ никакими удобреніями, а возстановляемыхъ комбинированнымъ дѣйствіемъ двухъ средствъ: оставленія земли въ залежь и чередованія посѣвовъ съ паромъ. Земля—все равно, расчищенная ли изъ подъ лѣса, или распаханная на открытой степи—два или три года подъ рядъ засѣвается хлѣбомъ, затѣмъ на годъ оставляется подъ паръ, послѣ чего одинъ или два года засѣвается хлѣбомъ и затѣмъ опять идетъ подъ паръ,—и такое чередованіе хлѣба и пара продолжается до тѣхъ поръ, пока сильное паденіе урожайности и заростаніе сорными травами не заставитъ бросить землю въ залежь и взамѣнъ ея распахать другую. Въ залежи земля лежитъ до тѣхъ поръ, пока опредѣленные, отлично извѣстные крестьянамъ признаки не покажутъ, что производительность ея успѣла достаточно возстановиться; тогда она опять распахивается и тотъ же процессъ чередованія посѣвовъ съ паромъ продѣлывается съ самаго начала. При этомъ въ видѣ общаго правила можно сказать, что, въ началѣ періода обработки и на парахъ, сѣются болѣе притязательные хлѣба—пшеница, озимая и яровая рожь, въ концѣ этого періода и на паровыхъ жнивахъ,—такіе хлѣба, какъ ячмень и овесъ, далѣе—что въ началѣ періода обработки земля оставляется подъ паръ рѣже, въ концѣ его чаще: въ началѣ парятъ землю послѣ каждыхъ двухъ хлѣбовъ, въ концѣ—послѣ каждаго снятаго хлѣба; наконецъ,—что самая продолжительность періодовъ обработки для свѣжераспаханныхъ земель, никогда не бывшихъ подъ культурой, бываетъ обыкновенно больше, нежели для пахавшихся ранѣе и вновь поднятыхъ послѣ продолжительнаго отдыха,

такъ какъ отдыхъ рѣдко успѣваетъ вполнѣ возстановить плодородіе земли.

Такова общая характеристика залежно-паровой системы полеводства. Что касается до ея разновидностей, то онѣ безконечно разнообразны; сибирское хозяйство отличается полною свободой, полнымъ отсутствіемъ всякаго шаблона; не только каждая волость или община,—каждый хозяинъ самостоятельно устанавливаетъ сѣвооборотъ для каждаго состоящаго въ его пользованіи клочка земли, примѣняясь къ его почвѣ и мѣстоположенію, къ климату, условіямъ сбыта, наконецъ, къ собственной хозяйственной самостоятельности. При этомъ число снимаемыхъ съ пашни, въ теченіе періода обработки, хлѣбовъ колеблется между 3—4 для тощихъ подзолистыхъ суглинковъ и 25—30 для лучшаго чернозема, а есть и такія земли (особенно въ южной части Тобольской губ.), которыя еще никогда не отдыхали; далѣе, продолжительность времени отдыха залежей колеблется между 5—10 и 25—30 годами, въ зависимости съ одной стороны отъ почвенныхъ условій, съ другой—отъ степени истощенія, до которой земля доведена предыдущими посѣвами. Въ однихъ мѣстахъ и на однихъ земляхъ, при этомъ, посѣвъ на паровыя жнива составляетъ нормальное явленіе, такъ что сѣвооборотъ приближается къ залежно-трехпольному типу, въ другихъ мѣстахъ и на другихъ земляхъ такіе посѣвы составляютъ исключеніе или вовсе не производятся, земля парится подъ каждый хлѣбъ и сѣвооборотъ приближается къ типу залежно-двухпольному, и т. п. Что касается до преобладающихъ хлѣбовъ, то въ каждой отдѣльной мѣстности на лучшихъ земляхъ преобладаютъ болѣе

притязательные, на худшихъ—болѣе грубые хлѣба. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, преобладаніемъ то однихъ, то другихъ хлѣбовъ характеризуются и цѣлыя мѣстности: такъ, на прекрасномъ песчаномъ черноземѣ степей юго-западной части Тобольской губерніи и земледѣльческихъ мѣстностей Акмолинской области, а также въ Алтайскомъ горномъ округѣ и въ южной части Енисейской губерніи преобладаетъ пшеница, занимающая мѣстами до половины всей засѣянной площади и болѣе; въ средней земледѣльческой части Тобольской губерніи, отличающейся преобладаніемъ подзолистыхъ тощихъ почвъ, господствуютъ ячмень и яровая рожь; на всемъ протяженіи отъ Томска до Иркутска лѣса и рыхлыя черноземныя почвы благопріятствуютъ преобладанію озимой ржи, которая только на обезлѣсенныхъ мѣстахъ уступаетъ мѣсто яровой ржи; вдоль всей линіи Сибирскаго тракта наибольшія площади засѣваются овсомъ, который имѣетъ здѣсь вѣрный и выгодный сбытъ. Кромѣ перечисленныхъ хлѣбныхъ растеній мѣстами сѣютъ еще просо, гречиху, горохъ, картофель, а изъ промышленныхъ растеній почти вездѣ сѣется ленъ, въ мѣстностяхъ съ черноземною почвой—конопля, а на Алтаѣ кромѣ того—подсолнечникъ.

Система полеводства, господствующая въ Сибири, представляетъ разнообразнѣйшія видоизмѣненія не только въ пространствѣ, но и во времени: по мѣрѣ сгущенія населенія и сокращенія земельнаго простора, постепенно уменьшаются сроки отдыха земли въ залежи и увеличивается продолжительность періодовъ обработки; быстро прогрессирующее, благодаря этому, истощеніе земли стараются задержать учащенною па-

ровой обработкой постепенно переходятъ, слѣдовательно, отъ залежно-трехпольнаго къ залежно-двухпольному сѣвообороту; въ то же время истощеніе земли дѣлаетъ ее все менѣе способною давать удовлетворительные урожаи болѣе цѣнныхъ хлѣбовъ и заставляетъ замѣнять ихъ болѣе грубыми: пшеница—а гдѣ сильно вырублены лѣса, и озимая рожь—вытѣсняется яровою рожью, эта послѣдняя—ячменемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ пониженіе урожаевъ разрушительнымъ образомъ дѣйствуетъ на благосостояніе населенія, приводя въ концѣ концовъ къ экономическому кризису, въ родѣ того, который въ настоящее время переживаетъ юго-западная часть Тобольской губерніи. Подъ вліяніемъ этого кризиса населеніе мало по малу начинаетъ убѣждаться въ невозможности, при измѣнившихся условіяхъ, вести хозяйство по старому и въ необходимости перейти къ новымъ хозяйственнымъ порядкамъ —къ хозяйству съ удобреніемъ. Часть населенія, однако, не хочетъ помириться съ этою необходимостью и предпочитаетъ уйти «на новыя мѣста», гдѣ земли еще много и гдѣ свѣжесть ея позволяетъ вести хозяйство привычнымъ залежнымъ способомъ; другая, большая часть остается на мѣстѣ и продолжаетъ, несмотря ни на что, вести хозяйство по старому. Наконецъ, болѣе энергичное меньшинство начинаетъ по немногу переходить къ хозяйству съ удобреніемъ; сначала единичные и не смѣлые, первые опыты удобренія земли нерѣдко увѣнчиваются и неудачами; но постепенно они начинаютъ находить все болѣе и болѣе подражателей, и мало по малу хозяйство съ удобреніемъ изъ рѣдкаго исключенія становится общимъ правиломъ.

Нѣкоторыя мѣстности Сибири,—главнымъ образомъ сѣверная окраина земледѣльческой полосы Тобольской губерніи (Туринскій округъ и средняя часть Тобольскаго)—уже перешли такой критическій періодъ: въ этихъ мѣстностяхъ—мѣстами по отношенію ко всѣмъ распахиваемымъ землямъ, мѣстами только по отношенію къ ближайшимъ отъ усадебъ—прочно водворилось хозяйство съ удобреніемъ, и именно трехпольное хозяйство въ томъ самомъ его видѣ, въ какомъ оно издавна существуетъ въ центральныхъ губерніяхъ Европейской Россіи, съ преобладаніемъ ржи въ озимомъ полѣ, овса и ячменя въ яровомъ и съ зеленымъ, ничѣмъ не занятымъ паромъ. Что касается до самаго удобренія, то интензивность его весьма различна, въ зависимости отъ отношенія количества сѣнокосовъ къ количеству пахатныхъ земель: въ южныхъ волостяхъ Туринскаго округа, гдѣ пашенъ еще довольно много, унаваживается часть—отъ 1/6 до 1/2 пароваго поля; дальше къ сѣверу, гдѣ пахатной земли уже очень мало, а луговъ очень много, унаваживается все паровое поле, и за то, при сравнительно неблагопріятныхъ природныхъ условіяхъ, получаются урожаи, большіе и—что особенно важно—болѣе постоянные, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Сибири. Наконецъ, еще дальше къ сѣверу, вблизи 60 параллели, у самой сѣверной границы земледѣлія, даже самое сильное удобреніе не даетъ возможности вести трехпольное хозяйство; послѣднее уступаетъ здѣсь мѣсто двухпольному съ преобладаніемъ на лучшихъ земляхъ озимой ржи, на остальныхъ ячменя; при сильномъ удобреніи земледѣліе и здѣсь даетъ отличные результаты, но не можетъ достигнуть значительнаго разви-

тія, благодаря крайней ограниченности количества удобныхъ для посѣва хлѣбовъ земель.

Обработка пахатныхъ земель въ Сибири представляется весьма удовлетворительною—далеко лучшею, нежели въ крестьянскихъ хозяйствахъ центральной Россіи. Такое преимущество сибирскаго крестьянскаго хозяйства обусловливается главнымъ образомъ изобиліемъ въ Сибири рабочаго скота, возможнымъ, благодаря богатству страны покосами и выгонами, а затѣмъ—и сравнительно хорошимъ качествомъ употребляемыхъ здѣсь земледѣльческихъ орудій.

Орудія, употребляемыя въ Сибири для пахоты, носятъ здѣсь разнообразныя названія: колесянки, сабана, рогалюхи, просто сохи и пр., но основанія устройства ихъ вездѣ одинаковы: широкій треугольный сошникъ, (чаще составной изъ двухъ половинъ), котораго лѣвый уголъ загнутъ впередъ и играетъ роль плужнаго отрѣза, деревянный отвалъ, подъемный винтъ или система клиньевъ, регулирующая глубину пахоты—таковы главнѣйшія составныя части корпуса сибирской сохи; работа послѣдней не имѣетъ никакого сходства съ работой сохи великороссійской и очень похожа на работу плуга; глубина пахоты можетъ быть доведена до 4—5 и даже 6 вершковъ, ширина пласта—тоже до 6 вершковъ; пластъ отрѣзывается очень чисто, и поле, вспаханное сибирскою сохой, на видъ почти не отличается отъ вспаханнаго плугомъ. Въ районахъ наибольшаго развитія земледѣлія соха прикрѣпляется къ двухколесному передку и запрягается парой или тройкой лошадей; въ мѣстностяхъ, лежащихъ вблизи сѣверной границы земле-

дѣлія, непосредственно къ разсохѣ прикрѣпляются оглобли и соха запрягается въ одну лошадь. Бороны, употребляемыя въ Сибири, принадлежатъ къ типу полутяжелыхъ: онѣ состоятъ изъ деревянной рамы съ желѣзными зубьями, числомъ обыкновенно отъ 16 до 20; въ чисто земледѣльческой полосѣ Сибири средніе хозяева боронятъ въ 3—4 бороны, а зажиточные пускаютъ одну за другой до шести боронъ; на сѣверѣ, гдѣ полосы не велики, боронятъ часто въ одну борону, но за то бороны здѣсь имѣютъ гораздо большее число зубьевъ. Остальныя орудія - серпы, косы простыя и съ граблями (для уборки хлѣба), цѣпы для молотьбы, лопаты для вѣянія—не представляютъ никакихъ отличій отъ орудій, употребляемыхъ въ Европейской Россіи. Что касается до машинъ, то до недавняго времени ихъ въ Сибири вовсе не употребляли; только въ послѣднее время на Алтаѣ и въ мѣстностяхъ, лежащихъ къ востоку отъ Томска, получили значительное распространеніе маленькія ручныя вѣялки, а у зажиточныхъ крестьянъ стали появляться и конныя молотилки.

Главная цѣль, которую ставитъ себѣ сибирскій крестьянинъ, подготовляя землю къ посѣву, это—борьба съ сорными травами, которыя, при богатствѣ земель органическими веществами, растутъ въ большомъ изобиліи и являются одними изъ опаснѣйшихъ враговъ хлѣбныхъ посѣвовъ; другая задача—приведеніе земли въ надлежащую степень разрыхленія—въ сознаніи сибирскаго крестьянина отступаетъ на задній планъ передъ задачей истребленія сорныхъ травъ. Степенью изобилія этихъ послѣднихъ главнымъ образомъ опредѣляется въ каждомъ данномъ случаѣ боль-

шая или меньшая интензивность пахоты и бороньбы, время этихъ работъ и самаго посѣва, и масса другихъ, менѣе существенныхъ деталей.

Нормальный типъ обработки пара въ Сибири—это двукратная пахота съ бороньбой послѣ первой вспашки; всѣ эти работы производятся въ промежуткѣ времени съ начала іюня до конца іюля; лишняя, третья вспашка прибавляется при обиліи сорныхъ травъ или плотной почвѣ, особенно если послѣдняя замыта снѣговою водой и грозитъ покрыться непроницаемою твердой коркой; на такихъ плотныхъ глинистыхъ почвахъ третья вспашка пара производится весной, на рыхлыхъ—позднею осенью. Паровыя жнива вспахиваются всего одинъ разъ, обыкновенно весною и лишь изрѣдка на очень рыхлыхъ почвахъ осенью; передъ вспашкой оставшееся жнивье выжигается и зола служитъ для земли нѣкоторымъ удобреніемъ. Посѣвъ озимаго хлѣба производится съ самыхъ послѣднихъ чиселъ іюня по возможности не далѣе, какъ до средины августа, хотя у бѣдняковъ нерѣдко затягивается и до начала сентября. Яровые хлѣба въ южныхъ мѣстностяхъ земледѣльческой Сибири начинаютъ сѣять въ концѣ апрѣля, на сѣверныхъ окраинахъ—въ началѣ мая, при чемъ раньше всего сѣютъ пшеницу, позже всего—овесъ и особенно ячмень. Время посѣва имѣетъ при сибирскихъ климатическихъ условіяхъ очень большое значеніе: при слишкомъ раннемъ посѣвѣ хлѣбъ страдаетъ отъ весеннихъ заморозковъ, при позднемъ — отъ сорныхъ травъ и осеннихъ инсевъ; день разницы во времени посѣва обусловливаетъ собою нерѣдко удачный или неудачный урожай.

Разъ засѣянная пашня не подвергается затѣмъ никакому уходу; только яровые всходы, главнымъ образомъ пшеницу и яровую рожь, очень часто полютъ, такъ какъ ни пахота, ни бороньба нерѣдко не могутъ задержать роста сорныхъ травъ. Уборка озимаго хлѣба начинается обыкновенно съ конца іюля, яроваго съ начала августа; уборка всѣхъ хлѣбовъ заканчивается при нормальныхъ условіяхъ къ началу сентября, а при неблагопріятной погодѣ нерѣдко затягивается и гораздо дольше,—иногда до конца октября. Сжатый или скошенный хлѣбъ по просушкѣ складывается на полѣ въ клади и уже зимой на саняхъ перевозится въ усадьбы или на заимки, сушится огнемъ въ овинахъ или ригахъ, молотится и вѣется; зерно, предназначенное для посѣва, подвергается еще дополнительной очисткѣ помощью особыхъ машинъ—такъ называемыхъ подсѣвовъ (вращающійся на горизонтальной оси цилиндръ изъ листоваго желѣза, съ отверстіями разныхъ величинъ), предназначенное въ пищу или на продажу, не подвергается послѣ вѣянія никакой дальнѣйшей очисткѣ.

Переходя затѣмъ къ вопросу о стоимости производства хлѣбовъ, мы не можемъ, въ виду значительнаго разнообразія размѣровъ и рѣзкихъ колебаній заработной платы, привести какихъ либо данныхъ, которыя имѣли бы общій для всей Сибири или хотя бы только для ея земледѣльческой области характеръ. Стоимость и отдѣльныхъ работъ, и всей совокупности операцій, входящихъ въ составъ производства хлѣба, по разсчету какъ на десятину посѣва, такъ и на пудъ хлѣба, въ разныхъ мѣстностяхъ представляетъ довольно широкія колебанія, о которыхъ могутъ дать поня-

тіе нижеслѣдующія цифры, изображающія стоимость въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ земледѣльческой Сибири важнѣйшихъ работъ по культурѣ хлѣбовъ:

На десятину:	Въ южной части Тобольской губерніи		Въ средней части Томской губерніи	Въ земледѣльческихъ округахъ Иркутской губерніи
	Лучшія мѣстности	Худшія мѣстности		
	Р У Б Л Я			
Стоимость одной вспашки	2,00	1,25	2,00	2,00
» » бороньбы	1,20	0,75	1,00	1,00
» » жатвы . (При средн. урожаѣ) .	7 50	3,75	7,00	6—10
» » молотьбы (При средн. урожаѣ)	4,50	2,00	4,00	4,00

А полная стоимость обработки десятины земли вмѣстѣ съ уборкой хлѣба и очисткой зерна выразится для тѣхъ же мѣстностей въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Для посѣвовъ на паровой землѣ	Для посѣвовъ на паровыхъ залежахъ
	Р У Б Л Е Й	
Въ лучшихъ мѣстностяхъ (Юж. части Тобольской губерніи) . .	23—27	11—18
Въ худшихъ мѣстностяхъ (Юж. части Тобольской губерніи) .	15—20	8— 9
Въ средней части Томской губерніи	22—27	13—15
Въ Иркутской губерніи . . .	25—27	14

Такимъ образомъ 25 р. для десятины яроваго хлѣба, посѣяннаго на парахъ, и 15 р. для десятины паровато жнива, — такова приблизительная средняя

норма, около которой колеблется полная стоимость производства хлѣбовъ въ земледѣльческой Сибири, и въ частности въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ хозяйство ведется по залежно-паровой системѣ. Въ тѣхъ мѣстностяхъ Тобольской губерніи, гдѣ уже совершился переходъ къ хозяйству съ удобреніемъ и обязательнымъ трехпольнымъ и двухпольнымъ сѣвооборотомъ, общая стоимость работъ на десятину опредѣлится такъ:

Въ трехпольной области съ удобреніемъ *части* пароваго поля	32—34 р.	на трехпольный кругъ (2 хлѣба)
Въ трехпольной области съ удобреніемъ *всего* пароваго поля .	43 р.	
Въ двухпольной области . .	19—20 р.	На каждый хлѣбъ

Мы должны теперь перейти къ вопросу объ урожаяхъ хлѣбовъ, но предватительно скажемъ нѣсколько словъ о густотѣ посѣва. И здѣсь, какъ и въ предыдущемъ, нельзя привести какихъ либо цифръ, которыя имѣли бы общее значеніе для цѣлой Сибири; густота посѣва на десятину въ разныхъ мѣстностяхъ колеблется:

Для озимой ржи	между	6— 7 и 14—16	четвер.
» яровой ржи	»	5— 7 и 11—12	»
» яровой пшен.	»	6— 8 и 14—16	»
» овса . . .	»	12—16 и 28—32	»
» ячменя . . .	»	8—12 и 20—24	»

Но низшія изъ приведенныхъ здѣсь цифръ встрѣчаются нынѣ уже очень рѣдко—только на свѣжерасчищенныхъ, очень плодородныхъ земляхъ, высшія относятся исключительно къ сѣверной окраинѣ земле-

дѣлія, къ мѣстностямъ съ двухпольнымъ хозяйствомъ, а также съ трехпольнымъ при удобреніи всего пара; для области наибольшаго развитія земледѣлія предѣлы колебаній будутъ гораздо уже: на десятину, именно, обыкновенно высѣваютъ:

Ржи озимой и яровой	отъ	8	до 10	четвериковъ
пшеницы	отъ	10	до 12	»
ячменя	отъ	12	до 14	»
овса	отъ	16	до 20	»

Посѣвъ производится тѣмъ рѣже, чѣмъ южнѣе мѣстность, чѣмъ лучше и свѣжѣе почва, чѣмъ раньше засѣвается данная пашня,—и тѣмъ гуще, чѣмъ дальше къ сѣверу, чѣмъ болѣе истощена земля и чѣмъ она бѣднѣе органическими веществами, и т. д.; ошибка въ густотѣ посѣва грозитъ весьма печальными послѣдствіями: если посѣвъ сдѣланъ слишкомъ рѣдко, всходамъ угрожаетъ опасность заглохнуть отъ сорныхъ травъ, если слишкомъ густо, то при тучной почвѣ и влажной погодѣ хлѣбъ легко можетъ перегуститься и не дать хорошаго налива.

Предыдущее изложеніе, въ связи въ особенности съ неблагопріятными климатическими условіями Сибири, съ достаточною ясностью показало, отъ какой огромной массы случайностей зависитъ въ этой странѣ урожай или неурожай хлѣбовъ; при такой массѣ случайностей конечно трудно ожидать, чтобы сами урожаи были сколько нибудь постоянны. И дѣйствительно, крайняя измѣнчивость урожаевъ, рѣзкія колебанія ихъ отъ весьма высокихъ цифръ до нуля, являются важнѣйшею характерною чертой си-

бирскаго земледѣльческаго хозяйства,—чертой, опредѣляющей собою всѣ темныя стороны быта сибирскаго крестьянина-земледѣльца.

Исключеніе изъ этого общаго правила составляютъ только мѣстности, лежащія вблизи сѣверной границы земледѣлія,—тѣ мѣстности, гдѣ уже совершился переходъ къ удобренію и къ трехпольному хозяйству (или двухпольному). Благодаря вліянію удобренія и утолачиванья пароваго поля скотомъ, а также благопріятнымъ естественнымъ условіямъ—отсутствію засухъ и градобитій и т. п.—полныхъ неурожаевъ здѣсь почти не бываетъ, да и вообще очень плохіе урожаи случаются рѣдко; не часто поднимаясь очень высоко, урожаи обыкновенно держатся по близости отъ средняго уровня, который здѣсь тоже представляется очень благопріятнымъ: въ мѣстностяхъ, гдѣ удобряется часть пароваго поля, средній урожай ржи колеблется между 70 и 80 пудами съ десятины, лишь на самыхъ плохихъ почвахъ падая до 60 пудовъ; около того же уровня колеблются урожаи для овса и ячменя, дальше къ сѣверу, гдѣ удобряется все паровое поле, рожь даетъ въ среднемъ 80, овесъ и ячмень 90–100 пудовъ съ десятины; въ районѣ двухпольнаго хозяйства урожаи ржи также колеблются около 70—80 п., но яровой хлѣбъ даетъ значительно больше: овесъ—110—120, ячмень 100—110 пудовъ съ десятины, и, благодаря такой высокой урожайности, населеніе нѣкоторыхъ мѣстностей Тобольской губерніи, лежащихъ вблизи самой сѣверной границы хлѣбопашества, продовольствуется, не смотря на ничтожный размѣръ запашекъ, собственнымъ хлѣбомъ и даже имѣетъ, хотя и небольшіе, продажные излишки.

Совсѣмъ другое мы видимъ въ мѣстностяхъ, гдѣ еще господствуетъ залежное хозяйство. Среднія цифры урожайности и здѣсь представляются довольно, а мѣстами и очень благопріятными; такъ среднія цифры урожаевъ пшеницы колеблются въ намѣченныхъ выше пшеничныхъ районахъ между 60 и 80 пудами, и только въ мѣстностяхъ, гдѣ пшеница доходитъ до крайнихъ сѣверныхъ предѣловъ своего распространенія, или встрѣчаетъ особо неблагопріятныя почвенныя условія, падаютъ до 50, 40 пудовъ и ниже. Озимая рожь въ мѣстностяхъ, изобилующихъ лѣсомъ и имѣющихъ подходящія почвы, даетъ въ среднемъ тоже отъ 60 до 80, иногда и до 90 пуд. съ десятины, и только на самыхъ плохихъ почвахъ средній урожай падаетъ до 40—50 пудовъ съ десятины; въ тѣхъ же предѣлахъ колеблется и средняя цифра урожая яровой ржи въ мѣстностяхъ ея наибольшаго распространенія. Что касается до овса, то по отношенію къ нему надо отличать двѣ цифры средняго урожая: при посѣвѣ на парахъ и при посѣвѣ на жнивахъ; въ первомъ случаѣ, овесъ даже на сравнительно плохихъ земляхъ даетъ въ среднемъ около 100 пудовъ съ десятины; при посѣвѣ на жнивѣ до этой средней нормы не достигаютъ и лучшія земли, плохія же даютъ не болѣе 40 – 50 пудовъ съ десятины. Наконецъ, ячмень въ области залежнаго хозяйства сѣется только на плохихъ и истощенныхъ земляхъ, гдѣ даетъ лучшіе урожаи, нежели какой либо другой изъ пищевыхъ хлѣбовъ: гдѣ рожь вовсе не родится или даетъ какіе нибудь 30—40 пудовъ съ десятины, тамъ ячмень, при среднемъ урожаѣ, все же даетъ пудовъ 50 или 60.

Но приведенныя цифры далеко не могутъ служить основаніемъ для правильныхъ заключеній относительно экономическаго положенія сибирскаго земледѣльца залежной полосы. Крайне рѣзкія и широкія колебанія отнимаютъ у этихъ *среднихъ* цифръ почти всякое реальное значеніе. Верхніе предѣлы этихъ колебаній представляются чрезвычайно высокими: 180, 200, 240 пудовъ пшеницы, 180—200 пудовъ ржи, 200—250 пудовъ ячменя, 250—300 и до 350 пудовъ овса съ десятины,—такіе урожаи, безъ ирригаціи или удобренія, возбуждали удивленіе путешественниковъ и создали Сибири репутацію страны баснословнаго плодородія. Но *такіе* урожаи случаются разъ въ нѣсколько десятковъ лѣтъ, да и то, конечно, только на лучшихъ почвенныхъ условіяхъ и при свѣжести земель. Разумѣется, и гораздо меньшій урожай 100—120 пудовъ пшеницы или ржи, 150—180 пудовъ овса и т. п., и тотъ достаточенъ для того, чтобы обогатить земледѣльца; такіе урожаи прежде случались довольно часто, и они то и создали высокое благосостояніе сибирскаго крестьянина-земледѣльца. Но въ послѣднія десятилѣтія и такіе урожаи стали случаться очень рѣдко, тѣмъ чаще за то бываютъ болѣе или менѣе полные неурожаи. Это справедливо, впрочемъ, только по отношенію къ яровымъ хлѣбамъ: урожаи озимой ржи въ удобныхъ для нея мѣстахъ никогда не падаютъ до нуля (полный неурожай озими бываетъ только на отдѣльныхъ полосахъ), и потому дурные урожаи въ лѣсистомъ ржаномъ районѣ, лежащемъ къ востоку отъ Томска, никогда не приводили къ такимъ печальнымъ для населенія послѣдствіямъ, какъ въ области распространенія яровыхъ хлѣбовъ и особенно—въ

пшеничныхъ степяхъ: здѣсь полные неурожаи не въ рѣдкость, а очень плохіе урожаи, при которыхъ населенію приходится покупать хлѣбъ или голодать, нерѣдко слѣдуютъ одинъ за другимъ по 3—4 года подъ рядъ.

Главными причинами неурожаевъ въ этихъ степныхъ мѣстностяхъ являются засуха и кобылка; въ лѣсныхъ мѣстностяхъ эти причины уступаютъ мѣсто вреднымъ послѣдствіямъ неблагопріятныхъ зимъ, гибельно дѣйствующихъ на озими,—но эти обстоятельства никогда не имѣютъ здѣсь такого всеобщаго характера, какъ засухи въ степныхъ мѣстностяхъ. Не менѣе существенными причинами неурожаевъ, дѣйствующими одинаково и въ лѣсахъ, и въ степяхъ, являются весенніе заморозки и осенніе иней, изъ которыхъ первые повреждаютъ хлѣбъ на всходахъ, вторые—во время налива; смотря по почвѣ, мѣстоположенію и времени посѣва, иней и заморозки иногда губятъ хлѣбъ безъ остатка, иногда уничтожаютъ или портятъ только часть урожая. Вліяніе инеевъ и заморозковъ въ разныхъ мѣстностяхъ различно: мѣстами они повреждаютъ хлѣба разъ въ нѣсколько лѣтъ, мѣстами—гораздо чаще, а есть и такія мѣстности (напр. въ Томской губерніи къ сѣверо-востоку отъ Томска), гдѣ яровые хлѣба померзаютъ каждый годъ: овесъ въ такихъ мѣстахъ сѣется на солому и кормъ, сѣмена же его всегда покупаются на сторонѣ. Далѣе надо указать на туманы и въ особенности на болѣзни хлѣба, имѣющія свою причину въ микроскопическихъ грибкахъ и извѣстныя подъ названіемъ головни, росы-медянки и спорыньи. Спорынья появляется во ржи довольно рѣдко; напротивъ головнею пше-

ница заражена во всей Сибири; головня появляется въ одинъ годъ сильнѣе, въ другой—слабѣе, но никогда не исчезаетъ совершенно; не причиняя никогда полныхъ неурожаевъ, она, однако, сильно отражается на умолотѣ и качествѣ зерна. Роса-медянка появляется изрѣдка, но захватываетъ огромныя пространства; она повреждаетъ главнымъ образомъ яровую рожь и овесъ, изсушая зерно до 1/3 и 1/4 нормальнаго умолота, но не отнимая у него всхожести и пригодности въ пищу. Далѣе, неурожаи бываютъ слѣдствіемъ и чрезмѣрно продолжительныхъ дождей, не дающихъ хлѣбу дозрѣть и затрудняющихъ уборку, градобитій и т. п. Словомъ, причины неурожаевъ въ залежной полосѣ Сибири столь многочисленны и разнообразны, что хлѣбопашество въ значительной мѣрѣ утрачиваетъ характеръ обезпеченнаго заработка и становится чѣмъ то въ родѣ азартной игры, въ которой можно много выиграть, но еще гораздо больше—проиграть.

Но помимо такого рѣзко колебательнаго движенія, урожаи въ области залежнаго хозяйства имѣютъ еще и движеніе нисходящее: по мѣрѣ сокращенія земельнаго простора, а слѣдовательно удлиненія періодовъ обработки и сокращенія сроковъ залежности, по мѣрѣ истребленія лѣсовъ и перехода къ обработкѣ все худшихъ земель, средняя норма урожайности постепенно понижается, хорошіе урожаи случаются все рѣже и рѣже, и напротивъ—все учащаются неурожаи, и въ результатѣ во многихъ мѣстностяхъ, какъ мы уже указывали, наблюдается общее пониженіе благосостоянія населенія, наступаетъ кризисъ, могущій разрѣшиться только переходомъ къ хозяйству съ

удобреніемъ. Впрочемъ, по отношенію къ большей части полосы залежнаго хозяйства въ Сибири критическій періодъ въ настоящее время еще не наступилъ, и потому перехода къ болѣе интензивной культурѣ въ ближайшемъ будущемъ еще нельзя ожидать.

При описанныхъ въ предыдущемъ изложеніи условіяхъ, положеніе населенія земледѣльческой и—въ частности—залежной полосы Сибири могло бы, однако, быть еще весьма удовлетворительнымъ, если бы не крайне неблагопріятныя условія *сбыта* хлѣбныхъ продуктовъ. Выше было указано на то, что въ мѣстностяхъ, входящихъ въ составъ этой полосы, земледѣліе является, если не вообще единственнымъ, то единственно существеннымъ источникомъ благосостоянія населенія, а продажа избытка его продуктовъ— главнымъ источникомъ денежнаго дохода. Излишки хлѣба находятъ себѣ сбытъ въ разнообразныхъ направленіяхъ: пшеница съ Алтая, изъ степныхъ областей и изъ южной части Тобольской губерніи идетъ, частью въ сыромъ видѣ, частью переработанная въ крупчатку, на западъ, въ Европейскую Россію, весь избыточный овесъ потребляется главнымъ сибирскимъ трактомъ; то же трактовое движеніе поглощаетъ и всѣ избытки производимыхъ въ окрестностяхъ тракта пищевыхъ хлѣбовъ; значительная часть избытковъ хлѣба изъ земледѣльческаго района идетъ, далѣе, на продовольствіе населенія неземледѣльческихъ окраинъ Сибири или закупается управленіями золотыхъ пріисковъ для продовольствія пріисковыхъ рабочихъ; наконецъ огромная масса хлѣба идетъ на винокуренные заводы и перегоняется въ спиртъ и водку. Всѣ эти виды

сбыта хлѣба, при всемъ ихъ разнообразіи, имѣютъ одну весьма существенную общую черту: всѣ они одинаково при хорошихъ урожаяхъ поглощаютъ избыточный хлѣбъ, и *не возвращаютъ его обратно* при дурныхъ урожаяхъ; въ Сибири нѣтъ правильной *мѣстной* хлѣбной торговли, которая уравнивала бы во времени избытокъ и недостатокъ хлѣба и служила бы регуляторомъ хлѣбныхъ цѣнъ. Нѣтъ такого уравненія и для колебаній урожаевъ и цѣнъ въ *пространствѣ*: благодаря громадности сибирскихъ разстояній и неустройству путей сообщенія, хлѣбъ, родившійся въ избыткѣ, напримѣръ, въ Енисейской губерніи, не можетъ пополнить недостачу хлѣба въ Тобольской: стоимость провоза была бы слишкомъ велика, и поэтому крайняя нужда въ хлѣбѣ въ одной губерніи можетъ существовать одновременно съ крайнимъ избыткомъ его въ другой. Если къ этому прибавить полное отсутствіе въ Сибири правильнаго кредита вообще, и хлѣбнаго въ частности, если принять въ соображеніе, что платить подати и производить другіе главнѣйшіе денежные расходы крестьянинъ долженъ осенью, когда хлѣбъ дешевъ, а, при недостачѣ хлѣба, покупаетъ его весной, когда онъ дорогъ; если принять во вниманіе, слѣдовательно, что крестьянину приходится бросать тѣмъ больше хлѣба на рынокъ, чѣмъ хлѣбъ дешевле, и тѣмъ больше покупать хлѣба, чѣмъ онъ дороже,—то изъ всего изложеннаго, какъ необходимый выводъ, получится дальнѣйшая характерная черта сибирскаго земледѣльческаго хозяйства, крайне дурно вліяющая на благосостояніе крестьянъ, *чрезвычайное непостоянство хлѣбныхъ цѣнъ*, поднимающихся при неурожаяхъ выше, чѣмъ гдѣ бы то ни

было въ Европейской Россіи, и падающихъ при хорошихъ урожаяхъ до крайне низкаго уровня.

Особенно рѣзко неустойчивость хлѣбныхъ цѣнъ, какъ и неустойчивость урожаевъ, бросается въ глаза въ мѣстностяхъ чисто-земледѣльческой залежной полосы, и особенно въ пшеничномъ районѣ южной части Тобольской губерніи, что и вполнѣ понятно, такъ какъ въ этой мѣстности менѣе чѣмъ гдѣ-либо развиты неземледѣльческіе заработки, и потому крестьянину болѣе чѣмъ гдѣ либо приходится продавать, при хорошемъ урожаѣ, свой хлѣбъ во что бы то ни стало и по какой бы то ни было цѣнѣ. Средняя цѣны для этой мѣстности опредѣляются слѣдующимъ образомъ:

ржи въ зернѣ около	20—	25 к.	за пудъ.
пшеницы »	50—	60 к.	»
овса »	1 р. 20—1 р. 30 к.		за четверть или
	20—	22 к.	за пудъ.

Что касается до колебаній, то минимальная цѣна, до которой рожь падала за послѣднее 20-лѣтіе, была 8—10 коп. за пудъ; до наивысшихъ предѣловъ цѣна ржи достигала въ 1870 г. (80 к.—1 р. 20 к.), 1884 г. (1 р.—1 р. 50 к.) и особенно въ 1892 году, когда она превысила 2 рубля за пудъ! Такимъ образомъ, высшая цѣна ржи за 20-лѣтній періодъ превышаетъ низшую въ 25 разъ!... Какъ быстро измѣняются цѣны, можно видѣть изъ того, что, напр., съ осени 1887 до осени 1888 г. рожь въ южной части Тобольской губерніи вздорожала въ пять разъ: цѣна ея поднялась съ 12—15 до 60—70 к. за пудъ!... Нечего и говорить при этомъ, что 8, 12, 15, 25 коп.—

это цѣны, по которымъ средній крестьянинъ продаетъ свой хлѣбъ, 1 р., 1 р. 50 к., 2 р.—цѣны, по которымъ онъ его покупаетъ обратно!

Въ мѣстностяхъ, расположенныхъ къ востоку отъ Томска и сѣющихъ, попреимуществу рожь, колебанія урожаевъ, нѣсколько менѣе рѣзки, а въ общемъ хлѣбъ дорожаетъ по мѣрѣ движенія съ запада на востокъ. Такъ въ сѣверо-восточной части Томской губерніи среднія цѣны за 25-лѣтній періодъ имѣютъ слѣдующій видъ:

за пудъ	ржаной муки	48	копѣекъ.
»	пшеничной	76	»
»	овса	41	»

а въ Иркутской губерніи примѣрныя среднія цѣны за послѣдніе 7 лѣтъ были:

за пудъ	ржаной муки	около	1 р. 20 к.
»	пшеничной	»	1 р. 90 к.
»	овса	»	1 р. 10 к.

Что касается до колебаній, то предѣлы ихъ для Томскаго рынка опредѣляются за послѣдніе 25 лѣтъ слѣдующимъ образомъ:

	Высшая.	Низшая	Во сколько разъ высшая превосходитъ низшую?
для ржаной муки	1 р. 45 к.	23 к.	въ 6,3
» пшеничной	1 р. 80 к.	30 к.	въ 6,0
» овса	1 р. 10 к.	17 к.	въ 6,5

Такимъ образомъ колебанія хлѣбныхъ цѣнъ въ Томской губерніи, хотя и очень значительныя, однако далеко не достигаютъ интензивности колебаній цѣнъ

въ пшеничныхъ мѣстностяхъ Тобольской губерніи. Въ восточно-сибирскихъ земледѣльческихъ губерніяхъ колебанія хлѣбныхъ цѣнъ имѣютъ приблизительно такой же характеръ. Напротивъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ Тобольской губерніи, гдѣ успѣло упрочиться хозяйство съ удобреніемъ, хлѣбныя цѣны, какъ и урожаи, отличаются большимъ постоянствомъ, что, конечно, оказываетъ очень хорошее вліяніе на благосостояніе населенія. Такъ, у крайней сѣверной границы земледѣльческой культуры въ Тобольской губерніи хлѣбныя цѣны имѣютъ слѣдующій видъ:

	Высшая	Низшая	Средняя
за пудъ ржаной муки	1 р. 30 к.	55 к.	80 к.
» овса	1 р. — »	40 к.	55 к.

и такимъ образомъ максимальная цѣна превышаетъ здѣсь минимальную всего въ 2½ раза. Такое однообразіе цѣнъ въ этой мѣстности является слѣдствіемъ какъ однообразія урожаевъ, такъ въ значительной мѣрѣ промысловаго характера мѣстнаго населенія: имѣя самостоятельный источникъ дохода въ промыслахъ, крестьяне не имѣютъ здѣсь такой необходимости продавать свой хлѣбъ во что бы то ни стало, какая существуетъ въ чисто земледѣльческихъ мѣстностяхъ, и при томъ продаютъ только дѣйствительные излишки, а не часть необходимаго для собственнаго продовольствія. Важное преимущество этой мѣстности заключается еще въ томъ, что хлѣбныя цѣны зависятъ *не отъ ея* урожаевъ, а отъ урожаевъ южныхъ земледѣльческихъ районовъ. Въ то время, поэтому, какъ въ этихъ послѣднихъ хорошіе урожаи всегда сопровождаются низкими цѣнами, а худые высокими,

и, слѣдовательно, средній крестьянинъ *всегда* продастъ дешево, а покупаетъ дорого, на разсматриваемой окраинѣ цѣны при хорошихъ урожаяхъ нерѣдко остаются на высокомъ или среднемъ уровнѣ, при худыхъ — на среднемъ же, или даже на низкомъ и, слѣдовательно, условія сбыта крестьянскаго хлѣба представляются, вообще говоря, несравненно болѣе благопріятными.

Независимо отъ колебательнаго движенія, хлѣбныя цѣны во всѣхъ земледѣльческихъ мѣстностяхъ Сибири имѣютъ еще и тенденцію къ повышенію, что объясняется съ одной стороны пониженіемъ урожаевъ, съ другой — расширеніемъ сбыта сибирскаго хлѣба на винокуреніе и на вывозъ въ Европейскую Россію. Вполнѣ ясное понятіе объ этомъ повышеніи могутъ дать цѣны Томскаго рынка. За двадцатилѣтній періодъ цѣны эти, сведенныя по 5-лѣтіямъ, даютъ слѣдующіе возрастающіе ряды:

	Средняя цѣна пуда		
	Ржаной муки	Пшеничной	Овса
за пятилѣтіе 1870—1874 г.	31 к.	66 к.	33 к.
» 1875—1879 г.	32 к.	54 к.	34 к.
» 1880—1884 г.	58 к.	86 к.	43 к.
» 1885—1889 г.	60 к.	88 к.	44 к.

Нынѣ, по мѣрѣ успѣха работъ по проведенію Сибирской желѣзной дороги, повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ въ земледѣльческихъ районахъ пойдетъ, безъ сомнѣнія, еще гораздо быстрѣе.

При указанномъ только что разнообразіи хлѣбныхъ цѣнъ большое разнообразіе замѣчается, конечно, и въ отношеніи къ вопросу о степени выгодности

земледѣльческаго производства. Въ Иркутской губерніи, благодаря высокимъ хлѣбнымъ цѣнамъ, земледѣліе никогда, кромѣ неурожайныхъ годовъ, не даетъ дефицита, и чистая доходность десятины пахатной земли колеблется между 4 и 17 рублями въ годъ. То же самое можно сказать о сѣверной земледѣльческой окраинѣ Тобольской губерніи, гдѣ успѣло упрочиться и упорядочиться хозяйство съ удобреніемъ: въ мѣстностяхъ съ трехпольнымъ наземнымъ хозяйствомъ озимый посѣвъ почти вездѣ окупаетъ всѣ издержки на трехпольный кругъ, такъ что весь продуктъ яроваго посѣва составляетъ чистую прибыль земледѣльца; размѣръ этой чистой прибыли колеблется отъ 60 до 100 и болѣе процентовъ всей суммы затратъ на производство, только въ мѣстностяхъ съ особенно плохими почвенными условіями падая до 40 и 30%; но особенно высока доходность земледѣльческаго производства на крайнемъ сѣверѣ, въ области двухпольнаго хозяйства: посѣвъ овса даетъ здѣсь въ среднемъ около 150, посѣвъ ржи и ячменя до 200% чистой прибыли, за покрытіемъ всѣхъ издержекъ производства. Крестьянинъ этой мѣстности, поэтому, твердо знаетъ, что «пашня—мужика не обманетъ»; онъ всѣми мѣрами стремится къ расширенію своей запашки, не останавливаясь для этого ни передъ расчисткой вѣковаго лѣса, ни даже передъ осушкой небольшихъ болотъ; занимаясь разнообразными промыслами, онъ никогда не оставитъ для нихъ земледѣлія: это послѣднее всегда остается его главнымъ занятіемъ, всѣмъ остальнымъ онъ занимается только между дѣломъ, по скольку пашня оставляетъ ему свободнаго времени.

Нѣсколько иную картину мы видимъ уже въ средней, земледѣльческой части Томской губерніи—въ Маріинскомъ округѣ и прилегающей къ нему части Томскаго. Здѣсь, впрочемъ, благодаря разницѣ въ хлѣбныхъ цѣнахъ, замѣчается значительная разница между трактовыми селеніями и мѣстностями, удаленными отъ тракта: на «большой дорогѣ», гдѣ хлѣбъ имѣетъ удобный мѣстный сбытъ, земледѣліе, несмотря на относительно высшій уровень заработной платы, представляется вполнѣ выгоднымъ занятіемъ: независимо отъ относительнаго достоинства пашенъ, оно во всякомъ случаѣ не только покрываетъ всѣ издержки производства, но и дастъ нѣкоторый чистый доходъ, размѣры котораго, конечно, зависятъ отъ урожайности пашенъ; при нынѣшнемъ упадкѣ трактовыхъ заработковъ, оно безусловно представляется наиболѣе выгоднымъ изъ всѣхъ доступныхъ для крестьянъ занятій. По мѣрѣ удаленія отъ тракта мѣстныя хлѣбныя цѣны понижаются, а съ ними убываетъ и чистая доходность земледѣльческаго производства; тѣмъ не менѣе въ мѣстностяхъ съ наилучшими почвенными условіями земледѣліе даже въ самомъ дальнемъ разстояніи отъ тракта продолжаетъ оплачивать трудъ и давать нѣкоторый, хотя и незначительный чистый доходъ; въ мѣстностяхъ съ нѣсколько низшею урожайностью нѣкоторый чистый доходъ получается лишь вблизи отъ тракта, а на болѣе удаленныхъ окраинахъ только возмѣщаются издержки производства; наконецъ, въ мѣстностяхъ съ плохими пашнями, удаленныхъ отъ тракта, земледѣліе дастъ дефицитъ, не оплачивая полной стоимости производства; экономическая возможность его обу-

словливается лишь тѣмъ, что большая часть земледѣльческихъ работъ производится собственнымъ трудомъ, который крестьяне очень мало цѣнятъ.

Но самые неудовлетворительные результаты хлѣбопашество даетъ въ южной части Тобольской губерніи, входящей въ составъ области залежнаго хозяйства. Если взять, напримѣръ, тѣ четыре района, на которые по качеству пашенъ распадается Ишимскій округъ,—когда то житница Тобольской губерніи,—то окажется, что при полной оплатѣ всѣхъ работъ выгодными оказываются въ 1-мъ и 2-мъ (лучшихъ) районахъ и въ сѣверныхъ мѣстностяхъ 3-го посѣвы пшеницы, которые, во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ даютъ, за покрытіемъ всѣхъ издержекъ, довольно значительный остатокъ; что посѣвы овса на паровыхъ жнивахъ даютъ чистую прибыль только на сѣверной окраинѣ третьяго района, въ первыхъ же двухъ они только покрываютъ издержки и не даютъ никакой чистой прибыли; что, наконецъ, посѣвы ржи, ячменя и овса на парахъ въ перечисленныхъ мѣстностяхъ, а также и всѣ вообще посѣвы въ южной части третьяго района и въ четвертомъ, худшемъ районѣ безусловно убыточны.* Въ этихъ послѣднихъ мѣстностяхъ, слѣдовательно, при полной оплатѣ стоимости всѣхъ работъ, капиталистическое хозяйство представляется совершенно невозможнымъ, въ лучшихъ же частяхъ округа должно ограничиваться посѣвами одной только пшеницы. Конечно, для отдѣльныхъ, реальныхъ крестьянскихъ хозяйствъ эти выводы теряютъ часть своей силы: зажиточный хозяинъ исполняетъ работы трудомъ срочныхъ работниковъ или должниковъ—слѣдовательно, оплачиваетъ трудъ гораздо дешевле

его полной стоимости, и въ то же время, имѣя возможность выжидать съ продажей хлѣба, продастъ его гораздо дороже среднихъ цѣнъ; маломощный хозяинъ, не прибѣгающій къ найму, не кладетъ въ расходъ стоимости продовольствія, да и трудъ свой мало цѣнитъ, а потому приведенные выводы для него теряютъ цѣну. Тѣмъ не менѣе, значеніе этихъ выводовъ очень велико: ими объясняются постоянныя жалобы, которыя приходится слышать въ разсматриваемой мѣстности отъ хозяевъ, имѣющихъ большіе посѣвы, на то, что «весь хлѣбъ на работниковъ уходитъ», что они «только про бѣдноту пашутъ», «только деньгамъ оборотъ дѣлаютъ, а пользы не видятъ»,—жалобы, справедливость которыхъ подтверждается и посторонними лицами; ими же объясняется несомнѣнный фактъ сокращенія запашекъ и даже прямого бросанія хлѣбопашества: какъ ни неразсчетливъ крестьянинъ, какъ ни мало цѣнитъ онъ свой трудъ, онъ тѣмъ не менѣе чувствуетъ, что хлѣбопашество слишкомъ плохо вознаграждаетъ этотъ послѣдній,—не можетъ поэтому не подвергаться искушенію найти себѣ болѣе легкій заработокъ и промѣнять на него тяжелый и неблагодарный трудъ земледѣльца.

Въ сдѣланномъ на предыдущихъ страницахъ очеркѣ положенія земледѣльческаго производства мы имѣли въ виду главнымъ образомъ коренную Сибирь,—именно четыре Сибирскія губерніи и прилегающія къ нимъ съ востока области—Якутскую и Забайкальскую; изъ этихъ двухъ областей первая—поскольку въ ней существуютъ зачатки земледѣлія—представ-

лятъ почти полное сходство съ частями Тобольской губерніи, прилегающими къ сѣверной границѣ хлѣбопашества; Забайкальская область, за ничтожными различіями, обусловливаемыми ея болѣе степнымъ характеромъ и лучшимъ климатомъ, подходитъ къ условіямъ смежной съ нею Иркутской губерніи. Не требуютъ особаго очерка и условія земледѣлія въ уѣздахъ Акмолинской и Семипалатинской областей,—эти условія представляютъ полное сходство съ условіями пшеничныхъ мѣстностей коренныхъ сибирскихъ губерній, съ тою только разницей, что земли здѣсь свѣжѣе, а потому урожайность ихъ выше и неурожаи случаются рѣже.

Мы должны, однако, чтобы покончить съ земледѣліемъ, сказать еще нѣсколько словъ о положеніи его въ мѣстностяхъ, гдѣ оно поставлено въ условія, совершенно отличныя отъ очерченныхъ нами выше именно въ Зайсанскомъ уѣздѣ Семипалатинской области и въ Семирѣчьѣ, а также въ Амурско-Уссурійскомъ краѣ.

И въ Зайсанскомъ уѣздѣ, и въ Семирѣченской области земледѣліе, какъ мы уже указали выше, возможно только при условіи исскуственнаго орошенія*). Пашни прорѣзаны здѣсь большими оросительными канавами,—арыками,—отъ которыхъ сохою, во время пахоты, проводятся во всѣ стороны малыя канавки, равномѣрно распредѣляющія влагу по всему полю. Въ Зайсанскомъ уѣздѣ поливныя пашни иногда еще и удобряются, а самая поливка производится въ первый разъ передъ пахотой, а затѣмъ, во время роста

*) Для характеристики земледѣлія въ степныхъ областяхъ мы пользовались не напечатанными работами М. Ѳ. Фролова-Багрѣева

хлѣба, смотря по погодѣ, еще отъ двухъ до четырехъ разъ: обыкновенно въ первый разъ поливаютъ всходы черезъ 30 сутокъ послѣ посѣва, во второй—черезъ 15 сутокъ послѣ перваго и въ третій—черезъ 40 сутокъ послѣ второго; послѣ 8 хлѣбовъ поле требуетъ либо трехлѣтняго отдыха, либо удобренія, въ теченіе же восьмилѣтняго періода оно засѣвается непрерывно однимъ и тѣмъ же хлѣбомъ—пшеницей, рожью, просомъ и т. д., плодосмѣнъ и даже простая смѣна хлѣбовъ здѣсь не практикуются, потому что родящійся отъ опадающихъ при уборкѣ сѣмянъ хлѣбъ-падаликъ засорилъ бы всходы посѣяннаго вновь хлѣба. Въ Семирѣченской области поливная земля, вслѣдствіе теплаго климата, даетъ по два урожая въ годъ: озимое поле, засѣянное пшеницею и ячменемъ, поспѣваетъ въ концѣ мая и по уборкѣ засѣвается вторыми посѣвами: машемъ (мелкій горошекъ), просомъ или морковью, рѣже кунжутомъ, макомъ или чечевицей; вторые посѣвы созрѣваютъ и снимаются осенью того же года; затѣмъ, на слѣдующую весну, поле засѣвается яровыми растеніями—главнымъ образомъ рисомъ и сорго, а также въ небольшихъ количествахъ хлопчатникомъ и люцерной. Урожаи съ поливныхъ пашенъ какъ въ Семипалатинской, такъ и въ Семирѣченской области получаются очень крупные, а неурожаевъ не бываетъ никогда Хлѣба, воздѣлываемаго на поливныхъ земляхъ, не только хватаетъ для собственнаго продовольствія земледѣльцевъ, но часть его идетъ на продажу въ Китай и ближайшія Киргизскія кочевья

Въ Амурской области надо строго различать хозяйство русскаго населенія—крестьянъ и казаковъ

отъ хозяйства инородцевъ корейцевъ и манчжуръ. У русскихъ хозяйство ведется чрезвычайно экстенсивнымъ, даже хищническимъ способомъ: вновь расчищаемая пашня перепахивается нѣсколько разъ, въ теченіе цѣлаго года, а затѣмъ ежегодно засѣвается хлѣбами безъ пара или удобренія, до тѣхъ поръ, пока не дойдетъ до совершеннаго истощенія; съ лучшихъ глинистыхъ земель снимаютъ такимъ образомъ до 15 хлѣбовъ подрядъ*), съ плохихъ не болѣе 7—8; первые годы (по расчисткѣ пашни) сѣютъ пшеницу или яровую рожь, затѣмъ переходятъ къ овсу, затѣмъ годъ или два сѣютъ гречиху; послѣ гречихи, нѣсколько возстановляющей плодородіе почвы, сѣютъ опять пшеницу или ярицу, затѣмъ опять овесъ, пока и этотъ хлѣбъ не перестанетъ давать удовлетворительныхъ урожаевъ. Разъ заброшенныя поля очень рѣдко распахиваются вновь, хотя и могли бы послѣ отдыха давать довольно хорошіе урожаи; поднимаютъ почти исключительно свѣжія, никогда не паханныя земли, въ которыхъ до сихъ поръ, въ виду недавняго заселенія края, нѣтъ недостатка. Урожаи хлѣбовъ въ количественномъ отношеніи очень высоки, но качество Амурскаго хлѣба далеко не удовлетворительно; излишекъ влаги мѣшаетъ правильному наливу хлѣба, и зерно получается темное, легковѣсное и мало-питательное.

---

*) Изъ уваженія къ авторитету С. И. Коржинскаго, изъ очерка котораго заимствованы свѣдѣнія о земледѣліи на Амурѣ, мы включили въ текстъ дѣлаемую имъ характеристику господствующей здѣсь системы полеводства. Соображенія, которыхъ, по недостатку мѣста, мы не можемъ излагать здѣсь подробно, заставляютъ насъ думать, что въ эту характеристику вкралась существенная неточность: что хлѣба на Амурѣ, какъ вездѣ въ Сибири, засѣваются *не подрядъ*, а *въ перемежку съ паромъ* и что слѣдовательно мы имѣемъ и здѣсь дѣло не съ переложною, а съ залежно-паровою системою полеводства.

Такой же характеръ имѣетъ, говоря вообще, и русское земледѣліе въ Уссурійскомъ краѣ, съ тою только особенностью, что посѣвы, воизбѣжаніе вымоканія, производятся здѣсь рядами, въ видѣ небольшихъ грядокъ, остающіяся между которыми борозды служатъ водосточными и вентиляціонными канавами.

Что касается до живущихъ въ при-Амурьѣ кореицевъ и манчжуръ, то ихъ хозяйство, въ противуположность хозяйству русскому, отличается большою интензивностью: размѣры запашекъ не велики, но за то пашни чрезвычайно тщательно обрабатываются, посѣвъ производится рядами, отъ руки или сѣялкой, всходы пропалываются по нѣскольку разъ въ лѣто, такъ что на поляхъ манчжуръ и корейцевъ почти вовсе нѣтъ сорныхъ травъ, которыя являются такимъ опаснымъ врагомъ посѣвовъ у русскаго населенія. Разводится у корейцевъ и манчжуръ главнымъ образомъ буда (setaria italica), затѣмъ разнообразныя другія хлѣбныя и огородныя растенія. Буда является главнымъ пищевымъ средствомъ: при посѣвѣ въ 18—20 фунтовъ, десятина буды даетъ 150—200 и болѣе пудовъ, такъ что урожай одной десятины на годъ или полтора обезпечиваетъ семью продовольствіемъ.

Скотоводство въ мѣстностяхъ, вмѣщающихъ въ себѣ главную массу сибирскаго населенія,—во всей земледѣльческой полосѣ Сибири—играетъ въ хозяйственной жизни населенія лишь второстепенную роль. Размѣры и относительное значеніе скотоводства измѣняются здѣсь, въ зависимости главнымъ образомъ отъ соотношенія между количествомъ и качествомъ пахатныхъ земель, съ одной стороны, и скотоводческихъ

угодій—покосовъ и пастбищъ—съ другой. И сѣнокосами, и пастбищами Сибирь, вообще говоря, очень богата: не смотря на малую питательность лѣсныхъ травъ, заставляющую въ большей части Сибири затрачивать на обезпеченіе скота кормомъ гораздо больше сѣна и пастбищныхъ пространствъ, нежели требуется, при прочихъ равныхъ условіяхъ, въ Европейской Россіи, Сибирь можетъ содержать еще гораздо больше скота, нежели содержитъ въ настоящее время. Но такъ какъ главная масса крестьянскаго труда затрачивается на земледѣліе, то скотоводство, въ дѣйствительности, достигаетъ большихъ размѣровъ только тамъ, гдѣ съ одной стороны покосовъ и пастбищъ особенно много, а съ другой—недостатокъ пахатной земли освобождаетъ въ лѣтнее время большую часть крестьянскаго труда, и гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ плохое качество пашенъ заставляетъ крестьянъ искать какого либо дополнительнаго источника существованія. Такъ въ Тобольской губерніи скотоводство особенно развито въ степныхъ мѣстностяхъ Тюкалинскаго округа, въ Томской—въ степяхъ Каинскаго округа и въ при-Чулымскихъ мѣстностяхъ Томскаго округа,—все мѣстности, гдѣ земледѣліе поставлено въ сравнительно плохія условія. Но и въ этихъ мѣстностяхъ значеніе скотоводства нигдѣ не можетъ быть поставлено выше значенія земледѣлія: послѣднее все же даетъ главную массу средствъ существованія,—оно *кормитъ* населеніе, а скотоводство служитъ для удовлетворенія сравнительно второстепенныхъ его потребностей и для пополненія тѣхъ дефицитовъ, которыя получаются въ крестьянскомъ хозяйствѣ при дурныхъ урожаяхъ хлѣбовъ.

Размѣры скотоводства чрезвычайно разнообразны и для цѣлыхъ мѣстностей, и для отдѣльныхъ дворовъ: есть зажиточные хозяева, имѣющіе по 10—15 рабочихъ лошадей, 25—30 головъ рогатаго скота, 40—50 овецъ; есть и богачи, запрягающіе по 40—50 лошадей и имѣющіе по сотнѣ и болѣе головъ рогатаго скота; есть, конечно, и бѣдняки, не имѣющіе никакого скота или владѣющіе одною лошадью или коровой; если обратиться къ среднимъ цифрамъ, то окажутся волости, гдѣ средній дворъ имѣетъ, не считая подростковъ, по 5—6 рабочихъ лошадей, по 5—6 коровъ, по 15—20 овецъ; есть и такія, гдѣ въ среднемъ на дворъ не болѣе 2 лошадей, одной коровы, 3—4 овецъ, или и того меньше. Но въ общемъ выводѣ для цѣлой залежно-земледѣльческой полосы Сибири за среднюю норму крестьянскаго скотоводства можно принять около 3 рабочихъ лошадей, около 2 дойныхъ коровъ съ соотвѣтствующимъ числомъ молодаго скота, да 6—8 овецъ.

Лошади въ земледѣльческой полосѣ Сибири содержатся, конечно, главнымъ образомъ для земледѣльческой работы, но во многихъ мѣстностяхъ, кромѣ того, и для товарнаго извоза; на трактѣ очень значительная часть лошадей содержится спеціально для легкаго извоза, перевозки почтъ и т. п. Сибирская лошадь, вообще говоря, мелкоросла, неприхотлива къ корму и водѣ, хорошо выноситъ жаръ и холодъ; она быстра на бѣгу, но не сильна, такъ что нормальная нагрузка обыкновенной сибирской крестьянской лошади при хорошей дорогѣ не превышаетъ 20—25 пудовъ, и только хорошія обозныя лошади возятъ 28—30 пудовъ, а на короткихъ перегонахъ и до 35

пудовъ. Типы лошадей въ разныхъ мѣстностяхъ Сибири представляютъ, однако, и нѣкоторое разнообразіе: такъ въ южной, степной части Тобольской губерніи лошади представляютъ помѣсь съ киргизскою степною породой и отличаются особою быстротою и выносливостью на бѣгу; въ при-Томской мѣстности лошади нѣсколько крупнѣе ростомъ, не имѣютъ того бѣга, что киргизская и вообще степная лошадь, но за то очень хороши для тяжелаго извоза и земледѣльческой работы, благодаря чему «томскія» лошади славятся и дорого цѣнятся во всей Восточной Сибири. Забайкальская лошадь, напротивъ, мелкорослa и тоща и не отличается особою пригодностью ни для бѣга, ни для тяжелой ѣзды. Цѣны лошадей подвержены весьма широкимъ колебаніямъ: такъ въ степныхъ округахъ Тобольской губерніи и въ удаленныхъ отъ тракта мѣстностяхъ Томской—средняя крестьянская лошадь стоитъ не дороже 12—15 р, въ сѣверныхъ округахъ Тобольской губерніи и въ трактовыхъ мѣстностяхъ Томской отъ 20—25 рублей; лошадь, годная для почтовой гоньбы, стоитъ въ обѣихъ губерніяхъ 50—60 рублей. Въ Восточной Сибири лошади значительно дороже: въ Иркутской губерніи средняя цѣна рабочей лошади не ниже 35—40 руб., на Амурѣ за мелкую забайкальскую лошадь платятъ отъ 50—80 рублей, за томскую отъ 100 до 150 рублей.

Рогатый скотъ во всей Сибири принадлежитъ къ обыкновенной русской породѣ; онъ очень мелокъ (взрослая корова даетъ тушу отъ 5½ до 7 пудовъ), довольно тощъ и даетъ лишь незначительный удой. Въ мѣстностяхъ, гдѣ скотоводство наиболѣе развито, коровы даютъ доходъ путемъ продажи масла, кото-

раго за годъ получается, сверхъ потребленія семьи, отъ полупуда до пуда на каждую корову; но какъ въ этихъ мѣстностяхъ, такъ и во всей вообще Сибири, рогатый скотъ содержится главнымъ образомъ на убой, а молочные продукты потребляются преимущественно въ собственномъ хозяйствѣ крестьянъ; изъ продуктовъ убоя мясо потребляется тоже, главнымъ образомъ, самими крестьянами и лишь меньшая часть идетъ на продажу въ города. Продаются главнымъ образомъ сало и кожи; и кожи, и сало изъ Западной Сибири идутъ въ Европейскую Россію, изъ Восточной же значительная часть (изъ одного Забайкалья болѣе 150 тыс. штукъ въ годъ) кожъ идетъ на обшивку ящиковъ съ чаемъ. Молочное хозяйство, и то весьма не удовлетворительно поставленное, ведется крестьянами только въ окрестностяхъ болѣе значительныхъ городовъ: Томска, Иркутска и т. п. Но едва ли не самымъ важнымъ для крестьянъ способомъ извлеченія денежнаго дохода изъ рогатаго скота является продажа скота живьемъ, при чемъ, конечно, болѣе зажиточные крестьяне воспитываютъ продажный скотъ до болѣе поздняго возраста и продаютъ его выгоднѣе, нежели бѣдняки. Скупаютъ скотъ особые торговцы — скотопромышленники, которые затѣмъ бьютъ его и продаютъ продукты убоя въ городахъ или увозятъ ихъ въ Европейскую Россію.

Цѣны рогатаго скота — конечно, только среднія — для нѣкоторыхъ мѣстностей Сибири могутъ быть видны изъ слѣдующей таблицы:

	Коровы средняго качества	Быка трехлѣтняго	Бычка 1½ лѣтъ
Въ южн. части Тобольской губерніи .	9—12 р.	6— 8 р.	3— 4 р.
Въ средн. части Тобольской губерніи .	10—12 р.	7— 9 р.	4— 5 р.
Въ Томской губерніи близъ Томска и на трактѣ	12—15 р.	—	5— 7 р.
Въ Томской губерніи въ глухихъ мѣстностяхъ	10 - 12 р.	8— 9 р.	4— 5 р.
Въ Иркутской губ.	25 - 30 р.	20—25 р.	5—10 р.

Рогатый скотъ, такимъ образомъ, какъ и лошади, становится тѣмъ дороже, чѣмъ дальше подвигаться съ запада на востокъ; вмѣстѣ съ тѣмъ цѣны рогатаго скота подвержены и весьма рѣзкимъ колебаніямъ во времени, въ зависимости, главнымъ образомъ, отъ урожая хлѣбовъ и отъ падежей скота: при неурожаяхъ или при приближеніи эпизоотій, масса скота бросается на рынокъ, и цѣны падаютъ почти въ половину, съ тѣмъ, чтобы, послѣ перваго же хорошаго урожая или по минованіи падежа, вновь подняться, иногда вдвое выше противъ средняго уровня.

Овцы, разводимыя въ земледѣльческой Сибири, принадлежатъ, вообще говоря, къ очень плохой породѣ: онѣ даютъ немного мяса (3-лѣтняя овца отъ 30 ф. до 1 пуда), очень мало сала, а шерсть—плохаго качества и въ небольшомъ количествѣ (отъ 25 ф. до 1 пуда съ десятка овецъ). Продукты овцеводства потребляются почти исключительно въ собственномъ хозяйствѣ крестьянъ и не даютъ денежнаго дохода. Лучшія породы овецъ разводятся съ одной стороны

на южныхъ окраинахъ Тобольской и Томской губерній, прилегающихъ къ Киргизской степи, съ другой—въ Минусинскомъ краѣ и Забайкальѣ. Въ первой изъ названныхъ мѣстностей значительная часть овецъ принадлежитъ къ киргизской, курдючной породѣ, разводимой главнымъ образомъ ради сала (годовалая овца даетъ около 20 ф., трехлѣтняя пудъ сала и болѣе); во второй разводятъ овецъ испорченной мериносовой породы, главнымъ продуктомъ которыхъ является шерсть.

Скотоводство, будучи, какъ мы уже говорили, лишь второстепеннымъ источникомъ благосостоянія населенія земледѣльческой Сибири, является для него, однако, существеннымъ подспорьемъ, особенно при столь часто случающихся здѣсь дурныхъ урожаяхъ хлѣбовъ. Страшнымъ бѣдствіемъ для населенія, едва ли меньшимъ, чѣмъ неурожай, являются поэтому падежи скота, причиняемые сибирскою язвою и чумой рогатаго скота. Предписываемыя для борьбы съ этими эпизоотіями мѣры, по слабости личнаго состава ветеринарнаго надзора и неразвитости населенія, исполняются весьма неудовлетворительно, и потому падежи въ Сибири охватываютъ очень обширные районы и губятъ почти ежегодно сотни тысячъ головъ скота. Особенно губительны они въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ Киргиской степи, которая является для всей Западной Сибири главнымъ очагомъ сибирской язвы. Распространеніе эпизоотій облегчается и довольно небрежнымъ содержаніемъ скота, хотя собственно питаніе послѣдняго, вообще говоря, представляется очень удовлетворительнымъ: отъ 150 до 200 и болѣе пудовъ сѣна на рабочую лошадь, съ добавленіемъ,

кромѣ того, 10—15 пудовъ овса, отъ 50 до 100 пудовъ сѣна съ соотвѣтствующей добавкой соломы на корову, 25 пудовъ сѣна на овцу,—таковы нормы, которыми опредѣляется питаніе скота въ большинствѣ мѣстностей земледѣльческой Сибири.

Для киргизовъ степныхъ областей (а также для части забайкальскихъ бурятъ) скотоводство является уже не второстепеннымъ, а главнымъ и почти единственнымъ источникомъ благосостоянія: разводятъ въ степяхъ, главнымъ образомъ, лошадей и овецъ, рогатаго же скота содержатъ сравнительно очень мало; лошадей держатъ какъ для передвиженія, такъ и для продовольствія (кумысъ, конское мясо), также для продажи сосѣднему осѣдлому населенію; овецъ для убоя на мясо и главнымъ образомъ на сало, котораго степная овца, какъ мы видѣли, даетъ очень много; впрочемъ, киргизы сами бьютъ овецъ преимущественно для собственнаго потребленія; избыточныя овцы продаются живьемъ гуртовщикамъ, которые гонятъ ихъ въ мѣстности, гдѣ устроены салотопенные заводы, и уже здѣсь подвергаютъ убою; кромѣ лошадей и овецъ, киргизы держатъ и верблюдовъ, которыхъ употребляютъ лѣтомъ въ качествѣ вьючнаго скота, а зимой запрягаютъ въ обыкновенныя крестьянскія сани.

Содержаніе скота въ степяхъ крайне неудовлетворительно: киргизы почти не заготовляютъ сѣна на зиму, а предоставляютъ скоту бродить по покрытой снѣгомъ степи и добывать себѣ изъ подъ снѣга кормъ. Когда снѣгъ рыхлъ и лежитъ не толстымъ слоемъ, крупный скотъ, а по его слѣдамъ и мелкій, легко докапывается до сухой травы; но когда, послѣ перваго

снѣга, случаются дожди, а послѣ нихъ—морозы, и почва покрывается слоемъ твердаго льда, то послѣдствіемъ такой гололедицы въ степи является отсутствіе корма—безкормица, во время которой гибнутъ десятки и сотни тысячъ крупнаго и особенно мелкаго скота. Не мало скота гибнетъ и отъ бурановъ, продолжающихся въ степи по нѣсколько дней къ ряду; табуны лошадей и стада овецъ, застигнутые бураномъ, не могутъ устоять противъ напора вѣтра и, гонимые по его направленію, попадаютъ въ забитые снѣгомъ овраги и лощины, гдѣ и гибнутъ массами.

Что касается до сѣверной, некультурной окраины Сибири, то здѣсь бродячее инородческое населеніе держитъ оленей и упряжныхъ собакъ; первые являются необходимыми спутниками бродячаго инородца: крайняя ихъ неприхотливость къ пищѣ позволяетъ держать ихъ тамъ, гдѣ не могутъ существовать никакія другія домашнія животныя, а услуги, оказываемыя оленемъ человѣку, безконечно разнообразны: пока олень живъ, онъ служитъ упряжнымъ животнымъ; когда онъ убитъ, мясо его идетъ на пищу, шкура – на теплую одежду, жилы—на нитки и т. д.

Очертивъ въ предыдущемъ изложеніи земледѣліе и скотоводство,—главные источники благосостоянія массы сибирскаго населенія, мы должны перейти теперь къ обзору другихъ, второстепенныхъ источниковъ; въ виду ихъ вспомогательнаго значенія мы посвятимъ имъ, однако, гораздо меньше мѣста, нежели могли посвятить земледѣлію, такъ что нижеслѣдующія страницы представятъ собою не столько описаніе, сколько краткій обзоръ, мотивированный перечень

тѣхъ промысловъ, которыми занимается сибирское населеніе. На первомъ планѣ по числу занятыхъ рукъ надо поставить здѣсь рыболовный и охотничій промыслы.

Внутреннія воды Сибири—какъ большія рѣки, такъ и большая часть степныхъ озеръ—когда то были чрезвычайно богаты рыбой: въ озерахъ водились главнымъ образомъ окуни, караси, щуки, плотва и т. п. мелкая рыба; въ рѣкахъ—разнообразнѣйшіе виды «бѣлой» и «красной» рыбы, начиная съ тѣхъ же окуней и щукъ и кончая нельмами, осетрами, стерлядями, налимами, форелями и т. п. Изобиліе рыбы было баснословно: есть достовѣрныя свѣдѣнія о стаяхъ рыбы, сплошною массою наполнявшихъ русло рѣки отъ дна ея до поверхности, о рыбѣ, вскакивавшей въ окна пароходовъ и т. п.; въ настоящее время запасы рыбы въ сибирскихъ водахъ значительно истощились: въ чертѣ густо заселенной русскими земледѣльческой полосы Сибири рыбныя ловли служатъ уже почти исключительно для собственнаго потребленія прибрежнаго населенія и лишь въ немногихъ мѣстахъ доставляютъ послѣднему болѣе значительный заработокъ. Промысловыя ловли сосредоточились въ настоящее время преимущественно въ нижнихъ теченіяхъ большихъ сибирскихъ рѣкъ, внѣ предѣловъ культурной полосы (въ Западной Сибири округа Березовскій, Сургутскій и Тобольскій, а также Нарымскій край; въ восточной—низовья Енисея, Якутская область, Камчатка и т. д.); рыболовныя угодья здѣсь частью не имѣютъ владѣльцевъ, частью состоятъ во владѣніи прибрежнаго крестьянскаго или инородческаго населенія; угодья, принадлежащія крестьянамъ,

большею частью эксплуатируются или самими единолично или на общинно-артельномъ началѣ; инородцы сами эксплуатируютъ лишь ничтожныя части принадлежащихъ имъ обширныхъ угодій; все остальное они сдаютъ въ аренду, обыкновенно за безцѣнокъ, сосѣднимъ крестьянамъ, а главнымъ образомъ—капиталистамъ рыбопромышленникамъ, которые ведутъ промыселъ на коммерческихъ началахъ, при помощи многочисленныхъ партій наемныхъ рабочихъ, обыкновенно подвергаемыхъ самой безпощадной эксплуатаціи.

Ловля рыбы производится лѣтомъ и зимой, самыми разнообразными способами: употребляются, смотря по привычкамъ той или другой породы рыбы, невода самыхъ разнообразныхъ размѣровъ, мелкія сѣти, удочки, переметы съ десятками крючковъ съ приманкою или безъ нея; зимою нѣкоторыя рѣки перегораживаются во всю ширину и въ отверстія изгородей ставятся ловушки изъ прутьевъ («морды»); въ концѣ зимы, когда вода въ рѣкахъ портится и рыба бросается за свѣжею водою въ мелкія ключевыя рѣчки, ее ловятъ здѣсь въ прорубяхъ сачками, ковшами и просто руками. Но крупное коммерческое рыболовство въ низовьяхъ большихъ рѣкъ производится исключительно лѣтомъ, огромными неводами по 250—300 и болѣе саженъ длины. При выборѣ способовъ для добычи рыбы и крестьяне, и инородцы, и крупные рыбопромышленники очень мало заботятся о будущемъ и не брезгаютъ самыми хищническими пріемами, чему въ значительной мѣрѣ надо приписать и истощеніе рыбныхъ запасовъ въ сибирскихъ водахъ.

Добытая рыба, если она не употребляется на мѣстѣ, идетъ въ продажу либо въ замороженномъ, либо въ

соленомъ видѣ; но засолъ производится въ Сибири весьма плохо, такъ что рыба пріобрѣтаетъ дурной вкусъ и скоро портится, и это обстоятельство, конечно, служитъ существеннымъ препятствіемъ правильному развитію сибирскаго рыболовнаго промысла.

Рыболовный промыселъ существуетъ еще и въ Приморской области, на водахъ Великаго океана; кромѣ рыбы, здѣсь добываютъ тюленей, моржей,—при чемъ мясо и жиръ ихъ идутъ инородцамъ въ пищу, а продаются только моржевые клыки, да и то главнымъ образомъ въ обмѣнъ на ромъ и спиртъ; въ ничтожныхъ размѣрахъ существуетъ еще китовый промыселъ, а на Командорскихъ островахъ—добыча котиковъ, дающая правительству около 70 тысячъ арендаго дохода.

Охотничій промыселъ составляетъ собою занятіе главнымъ образомъ населенія сѣверной, некультурной окраины Сибири, а также переходной полосы, отдѣляющей эту окраину отъ культурной области. Но въ качествѣ второстепеннаго занятія онъ существуетъ въ довольно многихъ мѣстностяхъ и этой земледѣльческой области, расположенныхъ достаточно близко отъ незаселенныхъ лѣсныхъ пространствъ.

Ареной охотничьяго промысла являются, главнымъ образомъ, тайги и урманы—необъятныя лѣсныя пространства, вездѣ прилегающія съ сѣвера къ населенной полосѣ Сибири; охотятся, главнымъ образомъ, съ ружьемъ (а нѣкоторые инородцы съ лукомъ и стрѣлами), меньше—съ ловушками самаго разнообразнаго устройства. Наиболѣе распространеннымъ по всей Сибири видомъ промысла является охота на бѣлку, затѣмъ—на различныхъ лѣсныхъ и водяныхъ птицъ;

пушные звѣри, прежде въ изобиліи водившіеся во всей Сибири, въ настоящее время въ Западной Сибири, кромѣ бѣлки, простой лисицы, горностая и медвѣдя почти перевелись, такъ что охотой на соболя и даже куницу здѣсь занимаются лишь весьма немногіе охотники; главная добыча цѣнной пушнины происходитъ теперь на сѣверныхъ окраинахъ Восточной Сибири, гдѣ истребленіе звѣря не сдѣлало еще такихъ большихъ успѣховъ. На крупныхъ звѣрей—медвѣдей и лосей—охотятся по всей Сибири, но этотъ видъ охоты доступенъ, конечно, не всякому охотнику, а только наиболѣе ловкимъ и смѣлымъ. Въ тундрахъ Восточной Сибири инородцы—тунгусы и др.—охотятся на сѣверныхъ оленей, въ южныхъ, гористыхъ мѣстахъ восточно-сибирскихъ губерній и при-Амурья на разнообразнѣйшихъ звѣрей, между прочимъ, и на мараловъ, рога которыхъ имѣютъ высокую цѣность.

Заработокъ, доставляемый охотничьимъ промысломъ, принадлежитъ къ числу самыхъ непостоянныхъ. Сравнительно, менѣе случайный характеръ имѣетъ успѣхъ охоты на бѣлку, но и эта послѣдняя, въ зависимости отъ урожая составляющихъ ея главный кормъ шишекъ хвойныхъ деревьевъ—то уходитъ въ самые дальніе недоступные для охотниковъ лѣса, то выходитъ въ болѣе близкія урочища; въ послѣднемъ случаѣ охота бываетъ удачна: хорошіе охотники добываютъ въ зиму въ Тобольской губерніи по 200—300, дальше къ востоку—до 500 бѣлокъ «на ружье»; когда масса бѣлки уходитъ въ дальніе лѣса, тотъ же охотникъ не настрѣляетъ и пятой доли указаннаго количества. Довольно постоянный заработокъ даетъ

и охота на рябчика, котораго стрѣляютъ, главнымъ образомъ, въ Тобольской губерніи, для сбыта въ Европейскую Россію, добывая за зиму по 50—100 паръ на охотника, а при успѣхѣ и гораздо больше; охота на другую птицу—тетеревей, дикихъ гусей, утокъ и т. п. въ Сибири не имѣетъ большого значенія; на такую птицу охотятся больше «для забавы», и лишь небольшія количества ея идутъ въ продажу. Что касается до охоты на пушнину, а также на медвѣдей и т. п. звѣрей, то здѣсь все зависитъ отъ случая: при удачѣ на такой охотѣ зарабатываютъ сотни рублей, при неудачѣ случается, что охотникъ, пробродивъ по лѣсамъ ползимы, возвращается ни съ чѣмъ или съ добычею, не покрывающей стоимости продовольствія его самого и его собаки. Изъ пушнины въ Восточной Сибири добываются, главнымъ образомъ, соболи, лисицы, куницы, колонки; горностаевъ, за отсутствіемъ спроса, почти не бьютъ; промышляютъ пушнину, главнымъ образомъ, инородцы, какъ потому, что они владѣютъ на правѣ давности всѣми лучшими промысловыми угодьями, такъ и потому, что обладаютъ гораздо большимъ умѣньемъ, ловкостью и выдержкой, нежели русскіе крестьяне.

Тѣ же безграничные сибирскіе лѣса являются ареною и другого промысла, очень важнаго въ экономіи довольно значительной части населенія—сбора кедровыхъ орѣховъ. Промыселъ этотъ существуетъ во всѣхъ сибирскихъ губерніяхъ; кедровые лѣса, нерѣдко растянувшіеся на десятки а иногда и на сотни квадратныхъ верстъ, разбросаны по всѣмъ урманамъ и тайгамъ и, большею частью, предоставляются казной въ безвозмездное пользованіе всѣхъ желающихъ; на

сборъ приходятъ изъ селеній, расположенныхъ отъ кедровника за 30—50, иногда и за 100 верстъ,—сходятся для сбора съ тѣмъ болѣе широкихъ районовъ, чѣмъ больше самый кедровникъ и чѣмъ лучше въ данномъ году урожай орѣха. Урожаи орѣха бываютъ не каждый годъ; среднимъ числомъ орѣхъ родится въ два года разъ, но часть урожаевъ бываетъ настолько ничтожна, что сколько нибудь отдаленные кедровники вовсе не привлекаютъ къ себѣ промышленниковъ; хорошіе урожаи бываютъ обыкновенно не чаще, чѣмъ разъ въ 4—5 лѣтъ, а разъ въ 10—15 лѣтъ бываютъ отличные урожаи. При сборѣ орѣха трудъ обыкновенно раздѣляется: самую съемку шишки съ кедра производятъ сильные, ловкіе работники,—«лазаки»; они сбрасываютъ шишку на землю, а здѣсь ее подбираютъ другіе, обыкновенно подростки или женщины. И вотъ, при хорошемъ урожаѣ, «лазокъ» съ 2—3 помощниками добываетъ около 30—50, при отличномъ—100 пудовъ орѣха и болѣе; въ Тобольской губерніи, впрочемъ, добычи орѣха не бываютъ такъ велики, какъ дальше къ востоку; но такъ какъ въ Тобольской губерніи орѣхъ продается гораздо дороже, то размѣры заработка, при данномъ относительномъ урожаѣ, во всѣхъ сибирскихъ губерніяхъ приблизительно одинаковы; на «лазака» при среднемъ урожаѣ достается 50—100 руб., при отличномъ 200—250 и болѣе: одинъ отличный урожай иногда приводитъ къ замѣтному улучшенію экономическаго положенія той части населенія, которой удалось воспользоваться сборомъ орѣха.

Къ числу лѣсныхъ промысловъ относится въ Сибири и пчеловодство, довольно сильно развитое во

всемъ Алтайскомъ горномъ округѣ и въ ближайшихъ къ нему частяхъ остальныхъ округовъ Томской губерніи. Пчеловодство въ Сибири имѣетъ бортевой характеръ: пчелы разводятся въ лѣсахъ, при чемъ пища для нихъ не воздѣлывается искусственно, а доставляется травами и кустарниками, въ изобиліи растущими въ тайгѣ; содержатъ пчелъ въ простыхъ колодахъ, выдолбленныхъ изъ толстыхъ деревьевъ.— Размѣры пчеловодныхъ хозяйствъ весьма разнообразны: есть хозяева, имѣющіе не болѣе 3 -5 колодокъ, есть и такіе, пасѣки которыхъ состоятъ изъ 500—1000 колодокъ и болѣе; средній размѣръ крестьянской пасѣки въ мѣстностяхъ съ наибольшимъ развитіемъ пчеловодства (а такими являются группы селеній, лежащихъ у самой окраины тайги) можно опредѣлить въ 70—100 колодокъ, а число пчеловодовъ въ такихъ мѣстностяхъ составляетъ треть, половину и болѣе общаго числа домохозяевъ. Впрочемъ, въ настоящее время размѣры пчеловодства значительно сократились, въ сравненіи съ тѣмъ, что было лѣтъ 15—20 тому назадъ: не мало пасѣкъ совершенно перестало существовать, а въ остальныхъ число колодокъ сократилось въ половину и болѣе; причиною этого печальнаго явленія послужили отчасти плохіе урожаи пчелинаго корма, отчасти и болѣзни пчелъ; массы колодокъ совершенно вымерли, а остальныя стали давать гораздо меньше продукта: тогда какъ прежде каждая колодка давала въ среднемъ не менѣе 1 пуда меда, теперь ½ пуда на колодку считается уже очень благопріятнымъ сборомъ, а въ неблагопріятные годы большинство хозяевъ не только не получаетъ отъ своихъ пчелъ никакого дохода, но не рѣд-

ко даже прикармливаетъ ихъ покупнымъ медомъ или убиваетъ часть своихъ колодокъ.

Тотъ же лѣсъ, далѣе, является ареною цѣлаго ряда промысловъ, гдѣ природа даетъ человѣку уже не готовый или почти готовый продуктъ, какъ въ разсмотрѣнныхъ до сихъ поръ случаяхъ, а только матеріалъ, къ которому прилагается человѣческій трудъ. Здѣсь надо указать прежде всего на заготовки строеваго и особенно дровянаго лѣса; районы съ болѣе значительнымъ развитіемъ лѣсныхъ заготовокъ разбросаны по всей Сибири и группируются, по понятнымъ причинамъ, около болѣе значительныхъ городовъ и вдоль судоходныхъ и сплавныхъ рѣкъ; такъ Томскъ окруженъ райономъ съ населеніемъ около 15 тысячъ душъ, для котораго заготовка дровъ для потребностей города является однимъ изъ основныхъ источниковъ существованія; такіе же районы есть около Тюмени, Красноярска, Иркутска, хотя эти города большую часть нужнаго имъ лѣснаго матеріала, получаютъ сплавомъ изъ сравнительно отдаленныхъ мѣстностей. Что касается до прирѣчныхъ мѣстностей, то здѣсь господствующимъ видомъ лѣсныхъ заготовокъ является поставка дровъ на пароходы, ежегодно истребляющіе по одной Оби болѣе полумилліона саженей дровъ; нѣкоторыя мѣстности, расположенныя вверхъ по теченію отъ болѣе значительныхъ городовъ, заготовляютъ и сплавляютъ для этихъ послѣднихъ строевой лѣсъ и отчасти дрова; такъ Тюмень получаетъ почти весь строевой лѣсъ изъ южной части Туринскаго округа, Тобольскъ—изъ волостей того же Туринскаго и Тобольскаго округа, лежащихъ по р. Тавдѣ и т. д.

Лѣсныя заготовки для ближняго сбыта производятся каждымъ крестьяниномъ за свой счетъ и страхъ, дальнія поставки и особенно сплавная операція—за счетъ болѣе или менѣе крупныхъ лѣсопромышленниковъ, у которыхъ масса заготовщиковъ работаетъ или по найму, или по особымъ договорамъ, передающимъ весь барышъ въ руки лѣсопромышленника и оставляющимъ заготовщику лишь самую ничтожную плату за его трудъ. Заготовки производятся частью въ крестьянскихъ, частью въ казенныхъ дачахъ; при этомъ до послѣдняго времени вырубка лѣса въ казенныхъ дачахъ производилась безпошлинно и лишь въ послѣдніе 7—8 лѣтъ казна стала взимать въ западно-сибирскихъ губерніяхъ лѣсорубочныя пошлины. Это измѣненіе имѣло большое вліяніе на судьбу разсматриваемаго промысла: довольно высокій размѣръ пошлинъ, при низкихъ продажныхъ цѣнахъ лѣсныхъ матеріаловъ, и раньше едва покрывавшихъ стоимость затрачиваемаго труда, во многихъ мѣстностяхъ заставилъ либо прекратить заготовки, либо прибѣгать къ самовольнымъ порубкамъ, легко возможнымъ при слабости лѣсной стражи въ сибирскихъ губерніяхъ. Эта слабость и какъ слѣдствіе ея—огромныя, неоплаченныя пошлиной заготовки въ казенныхъ дачахъ, а также возможность безпошлинныхъ же заготовокъ въ крестьянскихъ дачахъ, не позволяютъ продажнымъ цѣнамъ лѣсныхъ матеріаловъ подняться до такого уровня, который оплачивалъ бы полный размѣръ пошлины и вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно вознаграждалъ за затрачиваемый трудъ.

Тому же обстоятельству долженъ быть въ значительной мѣрѣ приписанъ упадокъ въ Тобольской гу-

берніи и большей части тѣхъ промысловъ, которые можно отнести къ группѣ кустарныхъ.

Промыслы этой группы въ Сибири не представляютъ большого разнообразія: важнѣйшую часть ихъ, занимающую наибольшее количество рукъ и доставляющую населенію наибольшій заработокъ, составляютъ разные виды механической и химической обработки дерева, направленные къ удовлетворенію потребностей частью мѣстнаго крестьянства, отчасти—столь важнаго въ Сибири извознаго промысла. Отдѣльные дворы кустарей-древодѣловъ попадаются повсемѣстно; но болѣе или менѣе обширныя группы кустарнаго населенія сосредоточиваются по преимуществу тамъ, гдѣ съ одной стороны близость лѣса облегчаетъ заготовку сырого матеріала, а съ другой—продукты могутъ имѣть болѣе или менѣе легкій сбытъ. Наиболѣе крупные изъ тѣхъ довольно многочисленныхъ кустарныхъ районовъ, которые мы могли бы намѣтить, группируются около городовъ Тюмени, Томска и Иркутска. Первый охватываетъ значительную часть Тюменскаго и Туринскаго округовъ; здѣсь изготовляются дровни, лопаты, деревянная посуда, простая мебель и т. п. предметы, употребляемые въ крестьянскомъ обиходѣ, а также—мочала, рогожи, колеса, товарныя сани и т. п. предметы, употребляемые, главнымъ образомъ, при снаряженіи обозовъ. Продукты перваго рода развозятся по деревнямъ и распродаются крестьянамъ; мѣстомъ сбыта издѣлій второго рода является Тюмень, а покупателями ихъ—обозные извощики. Въ при-Томскомъ кустарномъ районѣ работаютъ преимущественно для потребностей обознаго движенія: изготовляютъ обозныя сани, корпуса телѣгъ, колеса, оси, ду-

ги, оглобли, деготь, посуду для кормленія обозныхъ лошадей, уголь для кузницъ и т. п., и всѣ эти продукты сбываются на базарѣ въ Томскѣ. Тѣ же издѣлія преобладаютъ въ кустарномъ промыслѣ Иркутскаго района,—но кромѣ того, наряду съ ними и въ Томскомъ, и въ Иркутскомъ районѣ выдѣлываются разные сорта деревянной посуды, разные виды мебели, берестяныя и нѣкоторыя токарныя издѣлія,—все, опять таки, предметы мѣстнаго крестьянскаго обихода.

Матеріалъ, служащій для производства перечисленныхъ издѣлій, оплачивается пошлиной въ одной только Тобольской губерніи; пошлины, какъ и при лѣсныхъ заготовкахъ, оставляютъ здѣсь слишкомъ малую долю продажной цѣнности продукта на оплату затрачиваемаго труда, что, опять таки, повело отчасти къ сокращенію размѣровъ самихъ промысловъ, отчасти—къ развитію самовольныхъ, не оплачиваемыхъ пошлиною заготовокъ нужнаго для кустарныхъ издѣлій матеріала;—повело съ тѣмъ большею необходимостью, что очень низкія въ Тюменскомъ районѣ цѣны кустарныхъ издѣлій, даже и независимо отъ пошлинъ, очень скудно оплачиваютъ трудъ кустарей. Въ Томскомъ и Иркутскомъ районахъ цѣны издѣлій стоятъ нѣсколько выше, такъ что вполнѣ удовлетворительно оплачиваютъ затрачиваемое на производство этихъ издѣлій рабочее время.

Какъ видно изъ изложеннаго, лѣсъ даетъ сибирскому крестьянину массу разнообразнѣйшихъ случаевъ заработка, являясь главнымъ источникомъ, изъ которыхъ пополняются дефициты, оставляемые земледѣліемъ и скотоводствомъ, и значительно уравновѣшивая крестьянскій бюджетъ. Къ сожалѣнію, однако,

лѣсныя богатства Сибири находятся въ печальномъ состояніи· мы упоминали уже объ истощеніи запасовъ дичи и пушнины; но и самые лѣса въ Сибири истребляются чрезвычайно быстро — значительно быстрѣе, нежели можно было бы ожидать при данной ничтожной густотѣ населенія. Хорошихъ, дѣйствительно дѣвственныхъ лѣсовъ, по крайней мѣрѣ, въ культурной части Сибири, уже очень мало, а южные округа западно-сибирскихъ губерній въ значительной мѣрѣ уже обезлѣсены и ощущаютъ недостатокъ не только въ строевомъ, но нерѣдко и въ дровяномъ лѣсѣ.

Причина этого явленія лежитъ въ отсутствіи почти всякаго надзора за лѣсами со стороны казны и всякой заботливости о нихъ со стороны населенія; неумѣренныя и безпорядочныя вырубки, истребляющія во много разъ больше, нежели допускаетъ ежегодный приростъ лѣса, и лѣсные пожары, распространяющіеся иногда на сотни квадратныхъ верстъ—таковы важнѣйшіе пути, которыми идетъ быстрое истребленіе лѣсовъ.

Значеніе промысловъ, связанныхъ съ эксплуатаціей лѣса, въ общей экономіи страны не велико; и изъ этого остатка огромная часть отходитъ на долю переработки продуктовъ земледѣлія и особенно скотоводства. Здѣсь надо указать прежде всего на ручное пряденіе, ткачество, перерабатывающее ленъ и шерсть въ грубое сукно; ткачество имѣетъ почти исключительно домашній характеръ: лишь ничтожныя количества холста и сукна идутъ въ продажу,—главная же масса потребляется, въ видѣ одежды, внутри крестьянскихъ хозяйствъ; впрочемъ, во многихъ, особенно пригородныхъ и трактовыхъ мѣстностяхъ до-

машніе холсты и сукна даже въ этой роли вытѣснены привозными фабричными тканями. Далѣе надо указать на ремесло кожевенное, овчинное, шерстобитное, на выдѣлку валеной шерстяной обуви, шляпъ, поясовъ, веревокъ и т. д. Всѣ эти производства существуютъ повсемѣстно; обыкновенно шерстобиты, овчинники и т. п. живутъ по одиночкѣ въ селеніяхъ, занимаясь промысломъ въ качествѣ подспорья къ земледѣлію и работая въ своей или ближайшихъ деревняхъ изъ чужого матеріала за поштучную плату; но мѣстами овчинники, мастера валеной обуви, кожевники живутъ цѣлыми группами, болѣе спеціализируются на ремеслѣ и работаютъ на населеніе болѣе значительныхъ окрестныхъ районовъ; особенно значительные районы распространенія выдѣлки валеныхъ сапоговъ расположены въ Курганскомъ и Тюменскомъ округахъ Тобольской губерніи, гдѣ работаютъ не только для ближайшихъ окрестностей, но также и для сбыта въ Восточную Сибирь.

Изъ другихъ видовъ промысловъ можно указать на плотничное, стекольное ремесло, выдѣлку кирпичей и т. п., существующія, конечно, повсемѣстно, но мѣстами выдѣляющіяся въ небольшія промысловыя группы. Изъ промысловъ сравнительно высшаго порядка можно назвать выдѣлку металлическихъ ситъ, ковровое производство и живописное ремесло въ Тюменскомъ округѣ, постройку мельницъ въ Ишимскомъ, выдѣлку заячьихъ мѣховъ вблизи Томска, производство вѣялокъ въ Маріинскомъ округѣ и на Алтаѣ, и нѣкоторые другіе, всѣ эти промыслы существуютъ лишь въ отдѣльныхъ селеніяхъ или группахъ селеній, но въ районѣ своего распространенія довольно сильно

спеціализируются и даютъ занятому ими населенію довольно значительный заработокъ.

Намъ остается еще, чтобы покончить съ крестьянскими промыслами, сказать нѣсколько словъ объ извозномъ промыслѣ и связанныхъ съ нимъ занятіяхъ. Главнымъ видомъ извоза является несомнѣнно товарный извозъ; имъ занята не только значительная часть населенія, живущихъ у самыхъ трактовъ, но и довольно много крестьянъ, живущихъ въ сторонѣ отъ послѣднихъ, въ сферѣ притяженія тѣхъ или иныхъ погрузочныхъ пунктовъ. Изъ отраслей товарнаго извоза надо указать, какъ на важнѣйшія, на извозъ по главному сибирскому тракту — перевозку товаровъ между разными мѣстностями Сибири и Европейской Россіей; затѣмъ—на перевозку припасовъ на золотые пріиски и въ инородческіе кочевья, расположенныя внѣ черты культурной полосы Сибири, и нѣкот. др. Но важнѣйшимъ изъ всѣхъ несомнѣнно является извозъ по главному сибирскому тракту, о которомъ мы и скажемъ нѣсколько словъ. Главнѣйшими предметами перевозокъ изъ Европейской Россіи въ Сибирь являются разнообразнѣйшіе продукты обрабатывающей промышленности, начиная съ дамскихъ нарядовъ и кондитерскаго печенья и кончая машинами и полосовымъ желѣзомъ; изъ Западной Сибири въ Европейскую Россію везутъ хлѣбъ и продукты убоя скота—кожи, сало и т. п., изъ Восточной—почти исключительно чай, которымъ ежегодно нагружаются многіе десятки тысячъ подводъ. Въ общемъ товарный извозъ по сибирскому тракту занимаетъ сотни тысячъ лошадей и десятки тысячъ людей, хотя, какъ мы уже говорили выше, размѣры его въ настоящее время уже

значительно сократились. Значительно понизилась и доходность извознаго промысла; тогда какъ прежде средняя провозная плата, напр., между Томскомъ и Иркутскомъ (1500 в.), была отъ 2 р. 50 к. до 3 р. за пудъ груза; теперь она не превышаетъ 1 р. 60 к. —1 р. 80 к., а иногда падаетъ и ниже, дорожные же расходы не только не сократились, но скорѣе, благодаря вздорожанію хлѣба, и учрежденію дорожныхъ пошлинъ, даже увеличились. Въ то время, поэтому, какъ въ прежнее время человѣкъ съ пятью лошадьми въ поѣздку между Томскомъ и Иркутскомъ и обратно, продолжающуюся два мѣсяца, зарабатывалъ, за покрытіемъ всѣхъ издержекъ, отъ 200 до 250 руб., теперь чистый заработокъ при среднихъ условіяхъ не превышаетъ 40—50 руб., а при неудачѣ,—особенно при покражахъ товаровъ,—нерѣдко случаются и убытки. Если крестьяне при такихъ условіяхъ продолжаютъ заниматься извозомъ, то это потому, съ одной стороны, что для нихъ важно полученіе разомъ въ видѣ задатковъ, сравнительно большихъ суммъ денегъ, а съ другой—потому, что они считаютъ за чистую прибыль и содержаніе во время поѣздки лошадей и возчиковъ, которыхъ иначе пришлось бы кормить въ теченіе зимы совершенно даромъ.

Во всякомъ случаѣ извозъ по сибирскому тракту въ настоящее время далеко не то, что былъ прежде, а вмѣстѣ съ нимъ пришли въ упадокъ и всѣ заработки, составляющіе занятіе населенія расположенныхъ на трактѣ пунктовъ; такими заработками являются: доставленіе обозамъ постоя и содержанія (дворничество), перевозка отъ станціи до станціи срочныхъ товаровъ, слѣдующихъ на перемѣнныхъ лоша-

дяхъ, замѣна усталыхъ лошадей въ обозахъ, разгрузки и перегрузки при замерзаніи рѣкъ или порчѣ дорогъ, пассажирскій извозъ разнообразнѣйшихъ видовъ, различные случайные, нерѣдко неблаговидные заработки; все это не даетъ теперь и четвертой части прежнихъ доходовъ, и трактовому населенію, какъ мы уже говорили, приходится все болѣе и болѣе сосредоточиваться на земледѣліи.

Въ полномъ упадкѣ и послѣдній видъ не земледѣльческихъ заработковъ, о которомъ мы должны еще упомянуть,—насмъ на золотые пріиски: прежде онъ давалъ заработокъ десяткамъ тысячъ людей, и, если развращалъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ и обогащалъ народъ; теперь, вслѣдствіе упадка пріисковаго дѣла, значительно сократились и самый спросъ на рабочихъ, и наемныя платы; на пріиски нанимается теперь по преимуществу разный бездомный сбродъ—ссыльные и т. п., —который, благодаря особымъ условіямъ пріисковой жизни, рѣдко приноситъ домой съ пріисковъ сколько-нибудь денегъ, и такимъ образомъ пріиски въ настоящее время могутъ только развращать, но не обогащать населеніе.

Мы не исчерпали, да и не имѣли въ виду исчерпать въ предыдущемъ изложеніи *всѣхъ* видовъ не земледѣльческихъ заработковъ крестьянскаго населенія въ Сибири. Мы имѣли въ виду намѣтить только важнѣйшіе изъ этихъ заработковъ и указать ихъ мѣсто въ экономической жизни населенія. Мѣсто это,—если говорить о не земледѣльческихъ заработкахъ вообще —въ настоящее время значительно только для тѣхъ частей Сибири, которыя лежатъ внѣ ея культурной полосы, или у окраинъ этой послѣдней. Въ земледѣль-

ческой полосѣ они и теперь играютъ второстепенную роль, а въ будущемъ, вѣроятно, еще болѣе отойдутъ на задній планъ: крупнѣйшіе по своимъ размѣрамъ заработки, именно связанные съ эксплуатаціей водъ и лѣсовъ, съ извозомъ и пріисковымъ дѣломъ, находятся въ состояніи упадка, и нѣтъ основанія ожидать наступленія обратнаго процесса. Будущность сибирскаго крестьянства неразрывно связана съ будущностью земледѣлія и находится поэтому въ тѣсной зависимости отъ улучшенія какъ технической, такъ особенно экономической обстановки этого послѣдняго.

Библіотека ОГИ